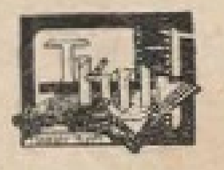
В. А. ШНЕЙДЕРОВ

НА ВЫСОТАХ МИРА

ДНЕВНИК
КИНО-ЭКСПЕДИЦИИ

ТЕАКИНОПЕЧАТЬ
1929

Главлит № А 33976. Теакинопечать № 1084. Тираж 3.000.
«Интернациональная» 39-я тип. «Мосполиграф», Б. Путинковский, 3.

ОТ АВТОРА

Неигровая фильма прочно заняла свое место на передовых позициях мировой кинематографии. Значительным сектором в ней является фильма экспедиционная.

Каждый год во все концы нашего Союза отправляются сотни научных экспедиций. Все чаще и чаще с этими экспедициями отправляются наши кино-работники.

Отправляются и специальные кино-экспедиции. Не редки случаи, когда кино-экспедиции едут даже за пределы нашего Союза. Экспедиционная картина неуклонно завоевывает свои права. Советский зритель настойчиво требует таких картин. Эти картины пользуются неизменным успехом и у нас и за границей. Мы отправляем экспедиционные кино-отряды и в Китай, и в Афганистан, и в дебри Уссурийского края, и на высоте неисследованных областей Памира, и на крайний север, и в тропики. Всюду и везде с большим или меньшим успехом работают наши кино-ре-

жиссеры и операторы. Есть достижения, есть и неудачи.

Учета опыта, учета недостатков и промахов, учета достижений и улучшений, к сожалению, у нас пока никакого нет. Каждый кустарничает, как умеет и как может. Работают зачастую на плохой пленке, с мало пригодной аппаратурой, при отвратительных условиях снабжения и снаряжения, без заранее проработанного плана и материалов и все-таки достигают успехов.

Экспедиционные картины за границей затмевают своим успехом нередко картины игровые. Вспомните «Нанук», вспомните «Чанг», получивший премию, справьтесь с каким успехом идет на западе и в Америке «Моана». Фильма «Восхождение на Эверест» была выпущена в Берлине одновременно с рядом лучших игровых картин и, как передают бывшие в то время в Берлине товарищи, имела громадный успех, больший, чем даже знаменитое «Наше гостеприимство» с любимцем публики Бейстер Кейтоном.

У нас экспедиционные картины прекрасно держатся на экране, зачастую во много раз дольше, чем картины игровые. Советский кино-зритель с огромным интересом следит за каждой новой этнографической фильмой. Всегда пресса и общественность уделяют ей значительное внимание.

Мы должны и можем дать хорошие, экспедиционные картины. Они дешевле и полезнее всяких других.

Для того чтобы наши картины были интересны, занимательны и технически не уступали загра-

ничной продукции, мы должны поставить правильно вопрос о подготовке, снаряжении, комплектовании и снабжении экспедиционных групп всем необходимым: квалифицированными работниками, первоклассной с'емочной аппаратурой, пленкой необходимого качества и сорта и т. д. Хорошая подготовка и снаряжение — это основа того, что в дальнейшем определит качество выпускаемой продукции. Что из себя представляет сама работа в экспедиции, автор предлагает читателю судить по его дневнику, написанному во время советско-германской высокогорной экспедиции в неисследованные области Памира в 1928 г. Пусть на первый взгляд не покажется странным указание на типы с'емочных аппаратов, как раз тех систем, которых почти нет на наших фабриках. Эти аппараты необходимо срочно выписать из-за границы. В этом требовании нет ничего удивительного. Все равно вся с'емочная аппаратура и специальные материалы выписываются из-за границы. Все равно, если не эти, нужные для работы аппараты, то другие, худшие, будут современем приобретены. Необходимо заранее поставить вопрос о закупке надлежащей аппаратуры проверенного типа, поставить вопрос о закупке пленки соответствующего качества и тех сортов, какие необходимы оператору для достижения тех или иных эффектов. Если во-время обо всем этом подумать, то можно прекрасно снарядить наши кино-экспедиции и достичь нужных результатов работ, выполнение которых в экспедициях зачастую бывали более сложными и трудными, чем в павильонных с'емках.

Автор этих строк воспользовался смешанным характером советско-германской экспедиции на Памир, благодаря чему ему удалось достать своевременно все необходимые сорта пленки, оптики и кое что из аппаратуры. В результате удалось произвести с'емки там, где при условиях, существующих сейчас для наших нормально-снаряженных экспедиционных групп, работать было бы невозможно. Все это говорит за сугубое внимание к вопросу снаряжения и снабжения экспедиции.

Цель предлагаемой книги в первой части обрисовать жизнь и условия работы кино-работников — участников интереснейшей высокогорной исследовательской экспедиции и показать все трудности экспедиционной работы рядовому читателю кино-книги, рядовому зрителю.

В своей второй части книга претендует на попытки обобщить опыт и результаты работ последних кино-экспедиций, а также суммировать основные требования в вопросах снабжения и снаряжения экспедиций и таким путем повлиять на улучшение постановки экспедиционного дела в наших кино-предприятиях.

0/VI

«...Я у телефона!».

— С вами будет говорить управделами Совнаркома товарищ Горбунов.

— Шнейдеров, вы готовы? Сегодня отправляетесь в 10.10 с Щербаковым.

— Есть. Готов.

— Приятного пути! Не забудьте взять купальные костюмы для Кара-куля.

. . . .

. . . .

Все готово. Весь ассортимент пленки, выписанной из-за границы специально для нашей экспедиции, упакован. Аппаратура проверена. Билеты взяты.

Запасы «Хлородонта», мыла, порошка от блох и прочего закуплены в неимоверном количестве. Сегодня уезжаем.

Мы — режиссер Шнейдеров и оператор Толчан — прикомандированы фабрикой «Межрабпомфильм» к советско-германской высокогорной экспедиции, отправляющейся на Памир. Цель этой экспедиции —

проникнуть в неисследованные горные области и изучить их.

Экспедиция очень интересная. Во главе ее — начальник—управляющий делами Совнаркома СССР Николай Петрович Горбунов. В советской части — ученые профессора О. Ю. Шмидт и Д. И. Щербаков, Елена Федоровна Розмирович, специальная альпинистская группа во главе с Николаем Васильевичем Крыленко, небезызвестным альпинистом и пр. Германская часть состоит из одиннадцати участников. Среди них профессор географ Рикмерс и геодезист Финстервальдер.

Мы отправляемся в самое сердце Средней Азии, туда, где крупнейшие горные системы мира, соединившись в одной точке, как бы связаные какой-то мощной силой в один огромный узел, образуют своими сплетеньям высочайшее в мире плоскогорье — высокогорную пустыню Памир.

Памир — по-древне-персидски «па-и-мор», в переводе на русский «подножие смерти», лежит на высоте 4.000 и более метров над уровнем моря. Некоторые горные вершины его поднимаются на высоту более семи тысяч метров.

Памир бесплоден. Кругом все голо: ни деревца, ни одного кустика. Только камни, пески и снега на горных вершинах. Лишь в глубоких лощинах попадаются кустарники. Население на Памире ничтожное. Редкие кочевники - киргизы да, по соседству с Дарвазом, кое где таджики.

Памир мало изучен. Он известен лишь там, где проходят редкие караванные пути. Одна же его часть,

огромный участок между истоками рек Танымас, Ванч, Язгулем и Мук-су, неисследована вовсе. Никто никогда там не был. Ряд крупнейших ученых и исследователей, начиная с иностранца Свен Гедина и кончая русским профессором Корженевским, пытались проникнуть в эту область. Некоторые подходили к его границам, но перешагнуть через нее не удалось никому.

Наша экспедиция и поставила своей целью во что бы то ни стало проникнуть внутрь области и разносторонне ее изучить. Попытаться по реке Танымас и далее перевалить на Ванч и Язгулем.

Удастся ли нам это?

Я и Толчан должны всюду сопровождать экспедицию, фиксировать ее быт, работу, достижения, неудачи и трудности и потом создать специальную картину. Мы прекрасно снаряжены. Все обмундирование и снаряжение из Германии. У нас с собою десять тысяч метров негативной пленки, свежей, только что полученной из Германии от фирмы Агфа, сортов: Специаль, Тропик; Экстра-рапид, Кино-хром и специально для проработки далей впервые полученный в России Аэро-хром (нейхромо).

С нами три аппарата: большой тяжелый «Бамерг-Аскания», механические «Ика-кинамо» и «Септ-Дерби». Ряд телеоб'ективов, включая телегор Герца 360 мм. Большой набор светофильтров. Наконец походная лаборатория и две новенькие винтовки «Маузер» с 900 шт. патронов.

Мы едем с заместителем начальника экспедиции, сотрудником Академии Наук, профессором Щербаковым. Профессор — милейший человек, старый экспедиционный волк, провел не одну уже экспедицию.

10/VI

В поезде. Вторые сутки как едем. Только и разговоров, что о будущей работе и маршрутах экспедиции, полученных мною в Москве.

Я уже составил план экспедиционной картины. Конечно, жизнь его в дальнейшем изменит не мало, но во всяком случае канва есть. С помощью Щербакова уточняем некоторые места, вносим коррективы и разрабатываем отдельные сцены. При обилии материала и об'ектов с'емки к этой части работы нужно относиться с особой осторожностью. Отсутствием плана, бессистемностью работы можно сорвать результаты любой кино-экспедиции. Такие случаи были. И не мало. Сплошь и рядом наши кино-экспедиции возвращались с материалом, наверченным как попало, так, что и смонтировать его было нельзя.

14/VI

Прибыли в Ташкент. Прогулялись по старому и новому городу, взглянули на убогую кино-фабрику Узбекгоскино, с'ели шашлык в городском саду и вечером уехали в Андижан.

16/VI

Вечером прибыли в Андижан. Ночевали в чай-хане, были у уполномоченного НКИД тов. Вейзагер,

Пока Щербаков получал в банке серебряные полтинники, а полтинники это самая ходовая монета на Памире, Вейзагер рассказал нам интересную историю.

Он прожил несколько лет на Памире, работая уполномоченным НКИД. Однажды к нему явился старый таджик. С какими-то особыми предосторожностями, по секрету, рассказал старик Вейзагеру об одной истории.

— Эту историю, — говорил таджик, — передал мне мой отец, когда умирал, а отцу моему рассказал его отец — мой дед — тоже на смертном одре.

— В горах Памира в верховьях реки Танымас никто никогда не бывал. Дед же мой пошел однажды в те места на охоту за горными козлами-кийками и заблудился. Его мучила жажда и, чтоб напиться, он стал спускаться к горной речке в лощину. Неожиданно его глазам представилось какое-то селение. О том, что в этих местах оно существует, никто не знал. С трудом спустившись еще ниже, дед мой попал в живописный кишлак, окруженный фруктовыми деревьями и тучными полями. Навстречу ему вышли странные люди, вооруженные кинжалами, каких он никогда не видел. Они заговорили на непонятном для таджика наречии, потом схватили его и хотели убить, об'яснив, что таков их обычай: убивать всех пришельцев.

— Деду моему, — продолжал старик, — удалось все-таки вымолить себе жизнь. Зато он обязался навсегда остаться в этом кишлаке. И, действительно, он прожил там несколько лет. Сначала за ним следили.

Когда же он женился и у него пошли дети, то подозрения туземцев рассеялись и его оставили в покое.

— Прошли года. Пришельцу страшно хотелось вернуться обратно в свой родной край. Он стал умолять начальника племени отпустить его проститься с якобы умирающим стариком-отцом. С трудом добился он этого разрешения, ушел и не вернулся обратно. До конца дней своих он находился под страхом мести со стороны туземцев того живописного кишлака, где он прожил несколько лет. Лишь умирая, под величайшим секретом рассказал он эту историю моему отцу, а тот сообщил ее в самый последний момент мне.

Так закончил свой рассказ пришедший к Вейзагеру старый таджик. Вейзагер заинтересовался рассказом и решил проверить то, о чем в нем говорилось. Кое кто из таджиков подтвердил многое из переданного их товарищем Вейзагеру. Они утверждали, что будто из-за гор той местности действительно приходили люди, которые говорили на неизвестном таджикам языке, что в горах есть следы троп, отмеченных по обычаю горками камней. Однако ни один из рассказчиков этого не видал, но передавал с достоверных слов другого, другой третьего и т. д.

Сведения о таких же легендах были и у некоторых английских путешественников.

Вскоре Вейзагер был переведен на другую работу, вся эта история забылась. Интересно — удастся ли нам встретить этих таинственных людей и будут ли они фотогеничны — думали мы с Толчаном, хорошо бы заснять их, только бы встретились.

В полдень на автомобилях мы выехали в Ош, маленький городок Киргизской республики. Четыре часа пути по пыльной, тряской дороге, по песчаному ландшафту Ферганы. Вдали синеют горы. Едем по цветущим кишлакам, журчат арыки. Пропускаем мимо яркие, расписные арбы на огромных колесах. Мерно выступают важные верблюды, разукрашенные цветной шерстью и обязательно подгоняемые погонщиками, восседающими на ишаках. Высоченный узбек на ишачен-ке, ростом немного больше хорошего сен-бернара, выглядит весьма карикатурно; ноги погонщика чут ли не волочаться по земле. Он колотит палкой по вздутому ишачьему пузу, испуская при этом устрашающие ишака хрипящие звуки:

— «их-х-х-х».

Лошади в арбах при виде нашего автомобиля шарахаются в сторону. Живой груз арбы, закутанные в паранджи узбечки, визжат. Возница, сидящий верхом на лошади, яростно дергает возжами, конечно, ленясь слезть на землю, чтобы взять коня под узцы. Верблюды же презрительно косятся, не удостаивая нас даже поворотом головы.

Ош—маленький, тихий городок. Едем по единственной, главной улице города и в'езжаем прямо в широкий двор местного комхоза. Посредине двора горой навалены чемоданы и ящики. Это «гепек», что немцы привезли с собою. Здесь же все научные инструменты, спальные мешки, продовольствие и даже полтонны «Пипифакса». Кругом аккуратно расставлены маленькие, зеленые палатки. В каждой палатке живет по

одному человеку. Нам выдают такие же. С данного момента я домовладелец. «Дом» небольшой, полотняный с маленьким задергивающимся окошком. В него влезаешь на четвереньках. Внутри прекрасная обстановка: пробковый матрац, спальный мешок, чемодан с разным барахлом. Освещение ночное: складной фонарик со свечкой. Палатка продумана до мельчайших подробностей: легкая, прочная, непромокаемая. Брезентовый полог пришит вглухую к двухскатчатой крыше, вход зашнуровывается веревкой. Все это очень важно: не задует ветер, не нанесет песку, не явятся непрошенные гости: фаланги, скорпионы и прочие представители южной фауны. В общем удобно.

Навстречу нам из палатки вылезла фигура в длиннополой белой рубахе, большой шляпе с полями на проволоке, в диаметре чуть ли не в метр, в новых желтых калошах на ногах. Оказалось, что это глава немецкой части экспедиции, географ, профессор Рикмерс. Узнав нас, почтенный профессор сконфузился, мгновенно юркнул в свою палатку и через минуту вылез оттуда в полном параде.

Мы приехали во-время. Вечером состоится банкет с представителями местных организаций. Моментально мы с Толчаном распаковали наше имущество. Достали захваченные из Москвы магниевые факелы, у нас их оказалось около ста штук. Это была первая ночная с'емка при магниевом освещении. Завтра снимаем старый город Ош, базар, быт и проч. На-днях выступаем.

19/VI

Ранним утром сквозь шнуры моей палатки просунулась чья-то рука и ухватила за ногу, скованную спальным мешком. Я сквозь сон подумал, что кто-то пытается извлечь меня из палатки. Так и оказалось. Милейший Дмитрий Иванович Щербаков таким способом производит побудку участников экспедиции для того, чтобы во-время приготовить к отправке наше имущество. Сегодня мы выступаем.

Началась суета. Складываются палатки, упаковываются чемоданы, завязываются тюки. За воротами слышится звон верблюжьих колокольчиков.

Пыль. Жара. Во дворе появляется важная толстая фигура нашего главного верблюжатника Турдахана. Из-под распахнутого настеж турдахановского халата видна мощная, волосатая грудь и необычайное пузо, усыпанное мелкими капельками пота. Приказ Дмитрия Ивановича:

— Дарай, дарай (скорее, скорее).

Раскрываются ворота. Двор заполняют своими нескладными фигурами верблюды. По приказу погонщика с тяжелым вздохом опускают они передние ноги, складывают задние вдвое и остаются неподвижными до того момента, пока не будет окончена процедура навьючивания. Сегодня на бедных верблюдов надели вьючные седла, которые не будут сняты до окончания всего пути. Таков уж здесь варварский порядок.

Дым коромыслом. Еще нагружают верблюдов, а на дворе появляются уже ишаки, за ними вьючные лошади, за вьючными, наконец, верховые.

Наш караван огромен: около двухсот голов. Один наш кино-отряд — семь лошадей: три верховых (одна под проводником), одна с аппаратурой, остальные с пленкой и вещами. К нам прикомандирован на все время экспедиции проводник калмык Садыр. Он будет, кроме того, и помощником на с'емочных работах. Садыр немножечко говорит по-русски.

Суета достигает апогея: приступаем к раздаче седел, распределению лошадей, подгонке уздечек.

Еще немного и я с Толчаном стоим у ворот нашей базы. Мимо нас, как на параде, проходят отряды нашей экспедиции. Важно шагают верблюды, беспокойно семенят ишаки, проходят злые вьючные лошади особой горной породы с опущенными головами и вытянутыми шеями, с косматыми гривами и хвостами до самой земли. И наконец появляется кавалькада участников экспедиции: русских и немцев. Уходят все. Позже нас должна нагнать советская альпинистская группа во главе с Горбуновым.

Всего вышло из Оша больше ста человек. Мы двигаемся грандиозной колонной, за собою мы гоним баранов. Это наше продовольствие. В общем — великое переселение народов. Действительно, есть какое-то сходство: слышится русская, немецкая, киргизская, узбекская, кашкарлыкская речь.

Идем через Ошский оазис. Недолго. К вечеру деревья и поля кончаются. Выходим в пустынную, горную местность. Скорее не горную, а холмистую. Вдали на горизонте синеют горы. Первый перегон небольшой, всего 20 км. Уже достаточно познакомились

с южным солнцем: носы лупятся, необходимо мазать вазелином. Разбиваем лагерь. Палаток, однако, не ставим — тепло. Обнаруживаем визитеров. К нам явились обитатели окрестных холмов — черепахи. Нахально шляются по лагерю. Одна из них устроилась в брошенном на минуту на землю чехле от полевого бинокля. Не преминули произвести с'емку.

Немецкий зоолог Рейниг занят изучением пойманной им черепахи. Он извлекает всосавшихся в нее отвратительных паразитов.

Кстати о немцах. Немцы чистенькие и аккуратные. Одеты с иголочки в специальном обмундировании. Каждый день бреются и без конца моются. Наши немцы делятся на две категории: ученых и альпинистов. Германскую часть возглавляет географ, профессор Рикмерс, который раньше, лет тридцать тому назад, бывал в Туркестане. Среди ученых известный германский фотограмметрист Финстервальдер со своим помощником Бирзак и берлинец Ленц—лингвист, он привез с собою целое сооружение в роде фонографа для записи местных наречий. Кроме ученых, группа лучших германских альпинистов во главе с Борхерсом, председателем германо-австрийского альпинистского клуба. Альпинисты рвутся в горы и ждут не дождутся того момента, когда мы подойдем к ним вплотную. При всяком удобном случае они точат свои ледорубы и мажут жирной мазью горные ботинки.

20/VI

Я и Толчан встали сегодня на рассвете. Мы хотели заснять утреннее пробуждение лагеря. К нашему

величайшему изумлению лагерь был полон странного оживления. Оказывается, в эту ночь он подвергся нашествию скарабей. Сотни огромных жуков, размером со спичечную коробку, забавно пятясь задом, во всех направлениях катили шары из конского навоза, размером с голубиное яйцо. Как нам об'яснили зоологи, эти оригиналы таким способом заготовляют себе продовольствие впрок. Скатывают и прячут, зарывая их в землю. Эти очаровательные насекомые, повидимому, не имели частого общения с людьми. Своих шариков они понакатали под одеяла и подушки наших спутников, а те, ворочаясь во сне, разумеется, давили их. В результате—испещренные телами погибших на поле брани жуков спальные принадлежности и массовая ругань.

История с жуками оказалась не первым приключением сегодняшнего дня. При сборах в путь оказалось, что пущенные на траву кони исчезли. Погоня была снаряжена моментально. Тем не менее беглецы были приведены в лагерь только в два часа дня. Оказалось, что они ушли за 20 км вперед и там паслись.

Двинулись дальше. Придорожные деревья кончились — признак того, что мы идем вверх. Начались альпийские луга. Кругом все в цветах. Дикие маки и какие-то фиолетовые, цветущие гроздья огромных цветов высотой чуть ли не в рост человека. Мы их назвали горными лилиями. Пышная изумрудно-зеленая трава. Изредка у воды попадались лиственные деревья. Прошли селение Лянгар. Идем вверх по реке Талдык. Высота 1.650 м.

РАБОЧИЙ МОМЕНТ: Высота 15.000 футов над уровнем моря. Ледник Федченко — неисследованная часть Памира. Режиссер Б. А. Шнейдеров. Оператор И. М. Толчан.

21/VI

Двухдневная езда верхом сразу с большими переходами без тренировки дает себя чувствовать. Немцы очень страдают, они молчат и не жалуются. Одного тошнит: он не выдержал нашего легкого утреннего завтрака, состоявшего из молока, лепешек и черешен. Ночевали опять без палаток, но уже в спальных мешках — ночью становится свежо.

Утром вышли вперед каравана с тем, чтобы подняться на наш первый перевал Чигирчик и заснять оттуда под'ем и спуск каравана. По дороге встретили аиста, стреляли — промазали. Чигирчик оказлся очень легким перевалом, взяли его шутя.

Устроив аппарат на макушке горы, я побежал к нашему каравану, а, вернувшись, застал следующую картину: Толчан сидит перед аппаратом, кругом его на корточках десяток откуда-то появившихся киргизов. Киргизы привезли с собой каймак — род густых сливок. Толчан ест каймак с лепешками, а киргизы с любопытством наблюдают за ним. Я немедленно заставил Толчана снимать и, воспользовавшись моментом, уничтожил остатки сливок.

Пока снимали спуск каравана с перевала да складывали аппаратуру, наши спутники ушли далеко вперед. Пустились их догонять. По дороге, когда повели к реке лошадей, наткнулись на большую змею. Засняли ее Септом, потом убили. Всадников мы догнали километров через пять. Они переправились уже через брод на другую сторону бурной горной речки, взобрались на крутой бугор и... мы увидали их купающимися в ка-

ком-то странном бассейне, огороженном деревянной изгородью, напоминающей беседку. Дерево рядом с бассейном все увешано лоскутками. Из-за кустов на купающихся смотрел кто-то в белой рубахе, с длинными черными волосами. При нашем приближении эта странная фигура поспешно скрылась. Выяснилось, что бассейн — это целебный источник, а белая фигура ишан — святой, наблюдающий за источником. Мы немедленно разделись и влезли в воду. Вода теплая, слегка газированная, похожа, пожалуй, на Нарзан. Выкупались, оделись, пошли к лошадям. Навстречу — новая партия купальщиков, уже киргизов, человек шесть, но... все без носов. Вот так штука!!! Оказывается, источник действительно целебный и рекомендуется специально сифилитикам. Среди них он очень популярен и усиленно посещается. Удовольствие, которое доставило нам купанье, как рукой сняло. Как никак перспектива приобрести памирский сифилис нас никого не устраивала. Особенно расстроился геофизик Циммерман, наш главный метеоролог.

Разбили лагерь недалеко от поселка Гульча. Немцы роздали всем по коробочке, наполненной белыми стружками. Решили, что это сушеный хлеб. С'ели по коробке. Оказалось, средство для регулирования пищеварения. Нам выдали порцию на неделю, а мы слопали в один прием. Странно — никакого впечатления. Повидимому нас этим не проймешь.

23/VI

Вчера сделали дневку. Сегодня вышли на рассвете. Лиственные деревья уже кончились. Их сменила

арча — огромное дерево из породы можжевельника. Арча по внешнему виду напоминает кавказскую тую. Холмы сменились камнями и островерхими скалами. Наша дорога вьется по берегу горной речки, то поднимается вверх почти до вершины гор, то спускается вниз к самой воде. Приходится перебираться по висячим горным мостам, сделанным из бревен, заложенных камнями, то переходить вброд через бурные речки. На ночевку устроились в замечательном месте. Кругом крутые вершины гор, покрытых альпийскими лугами, между ними река, к реке горы спускаются отвесно террасами. На одной из таких террас мы разбили наш лагерь. Лагерь не маленький: двадцать одна палатка. Под нижней террасой река раздваивается и образует остров. На острове растут гигантские вязы, которые кажутся нам кустиками. Они выглядят прямо деревцами из игрушечного детского садика.

Погода сегодня плохая. Сижу в палатке. Монотонно стучит дождь. Шумит река. Слышен гортанный говор наших узбеков. Вдруг крики:

— Эй, который мухами заведует!!!

Моя палатка сотрясается от топота тяжелых сапог. Это зоологи-добровольцы, — наши красноармейцы из охраны, — мчатся с богатым уловом: четыре огромных скорпиона и целая банка разных мелких гадов.

Обед, как всегда, баранина во всех видах. Сегодня, например, баранина в воде с рисом — шурпа называется это кушанье.

24/VI

Прошли Суфи-курган, пограничную заставу. Сегодня сделали 35 километров. По дороге, при переходе вброд, одна из вьючных лошадей попала в быстрое течение. Ее несло метров десять и она едва выбралась. На ней были хлеб и чай — все вымокло и теперь аккуратно разложенное по земле сушилось. Целый день были в пути, ничего не ели. Пришли, распаковали немецкие «гепек», достали грудинку. Кругом интересующиеся содержимым ящиком киргизы и узбеки. При виде свиной грудинки они многовенно разбежались. Это неплохо.

25/VI

Дошли до Ольгина луга. Высота 2.000 метров. Арча из деревьев перврагцается в кустарники.

26/VI

Ночью всего 4° тепла. Сегодня подошли вплотную к Алайскому хребту, к одному из немногих в нем перевалов — к Талдыку. Должны теперь пройти в Алайскую долину. Алайский хребет, через который нам надо перевалить, поднимается на высоту до 5.000 м. Самый удобный в нем перевал—Талдык, высота 3.800 м. Через Талдык идет дорога большими зигзагами и по ней карабкается наш караван. Фигуры всадников кажутся игрушечными солдатиками. Забравшись на каменную осыпь, снимаем Септом. На самом перевале снега нет, но кругом на склонах гор снега лежат огромными белыми пятнами, из-под них бегут веселые ручейки, эти ручейки там внизу превращаются в горные

реки, которые текут в плодоносные долины Ферганы. Поднялись на гребень перевала. Вдали должен быть виден Заалайский хребет, еще более грозный и высокий, чем Алайский. От Памира нас теперь отделяет только Алайская долина да Заалайский хребет. Сейчас его не видно, так как все вдали скрыто в желтой мгле, несмотря на ослепительное сияние солнца. Мгла эта, представляющаяся туманом, — мельчайшая пыль, занесенная сюда ветрами из Китая, из пустыни Текла-Макан. Такая дымка держится иногда неделями. Спуск вниз совершили быстро и весело, собственно говоря и спускаться-то было нечего. Высокогорная Алайская долина расположена на высоте 3.000 м. Выйдя из ущелья, мы увидали лагерь в несколько палаток. Это выехавшие вперед профессор Корженевский и немецкий геолог Нойт разбили на широкой зеленой лужайке свой лагерь. Профессор Корженевский — известный исследователь «Подножия Смерти». Он неоднократно бывал на Памире, и Памир как бы отомстил старику, испортив ему сердце. Теперь Корженевский дальше Алайской долины не пойдет.

Познакомились. Разбили лагерь. Палатки установили правильными рядами. Улицу полотняного городка назвали, шутя, «Алай-штрассе». Погода опять испортилась. Пошел дождь. То и дело набегали грозовые тучи, слышался гром. В ожидании ужина я влез в палатку. Самое подходящее время для писания дневника.

Алайская долина, как я уже говорил, расположена на высоте 3.000 м между двумя грандиозными

горными хребтами. Средняя высота первого из этих хребтов 5.000 м и второго 6.000 м. Длина ее около 200 км, а ширина местами до 25 км. Зимою долина покрыта белым одеялом снегов, летом низкорослой зеленой травой. Во всей долине ни одного кустика, ни одного деревца, только трава.

Сурки поистине являются хозяевами долины. Кругом повсюду дорожки, протоптанные их лапками, и отверстия нор, вырытых в земле. Эти безобидные зверки совсем не пуганы. На них никто здесь не охотится. На расстоянии десяти шагов, а то и меньше, подпускают они всадников. Сурки обычно сидят на задних лапках у своих нор, прижав передние к груди, как игрушечные болванчики, перекликаясь между собою пронзительным свистом. Охотиться на них не так-то просто. Сурка нужно убить наповал, иначе даже смертельно-раненый, он юркнет в свою нору и его оттуда не достанешь. Мы потратили целый день на с'емку этих зверков. Облюбовали аккуратную нору, около которой увидали целый выводок сурков. Осторожно, сзади, подкрались, поставили нашу Асканию, приладили телеоб'ектив Телегор-Герца, наш самый большой 360 мм, и стали терпеливо ждать. Прошло немного времени. Из норы вылезла мамаша, осмотрелась, и тихонько свистнула. На свист выкатилось несколько забавных пушистых шариков светло-желтого цвета. Шарики весело резвились вокруг сидящей на задних лапках мамаши, зорко следящей по сторонам. Мы снимали. Каждое наше передвижение мгновенно загоняло все семейство в нору. Так повторялось несколько раз,

Но, видно, в конце-концов мамаша решила, что мы безобидны и нас бояться нечего. Через час—два мы свободно передвигались с места на место и зверки нас уже не боялись. Около зверков вертелась постоянно пара маленьких птичек. Охотники говорили нам, что эти птички состоят как бы часовыми при сурках и, заметив малейшую опасность, дают знать об этом суркам. Нам оставалось снять еще несколько кадров перед тем, как уйти. Мы сняли почти все, что нам было нужно. В этот момент откуда-то, запыхавшись, прибежал здоровенный, толстый сурок, повидимому, папаша семейства. Прибежал, как старый ревнивый муж. Остановился, что-то пробормотал, весьма злобно, пронзительно свистнул и вместе со всем семейством скрылся в нору. Мы, конечно, сурочьего языка не понимаем, но все же разыгравшаяся сцена безусловно была понятна. Старый сурок ругал свою неосторожную супругу и семейная сцена, начавшаяся перед норою, вероятно, закончилась хорошей головомойкой дома.

Людское население долины — являющиеся на лето кочевники, горные киргизы. Они стоят аулами по 4—5 юрт, на расстоянии 20—30 км друг от друга, в горных ущельях Алайского хребта у мелких родников и речек. На второй день нашего пребывания в Алайской долине мы посетили один из таких аулов. Наш проводник Садыр был переводчиком. Приняли нас очень радушно. Аул — пять одинаковых юрт. Мужчины сидят, покуривают, женщины работают по хозяйству: доят овец, лошадей, делают овечий сыр — крут. Здесь мы впервые увидали домашних яков-кутасов.

Кутас, это огромное животное — полубык, полубуйвол — страшной силы. Мощная грудь кутаса покрыта густой шерстью. Эти животные как бы специально созданы для высокогорных условий жизни. Внизу они не выживают. Киргизы ездят на яках, возят тяжести, доят молоко, едят их мясо. Старшина аула — знахарь и к тому же почтенный ветеринар. При нас своим карманным ножом он совершил операцию в носу приведенного «пациента» верблюда. Старый, плешивый верблюд, напоминивший мне почему-то сильно потертого плюшевого детского «Мишку», кряхтел, охал и ахал в то время как «врач» ковырял тупым ножом в его носу. Мы подробно засняли быт этого аула. При нас в гости к нашему хозяину приезжали соседи. Мы оказались невольными свидетелями довольно интересного визита. Среди визитеров были и женщины. Эти местные красавицы прибыли верхом на лошадях. Сзади почти каждой из них сидели сын или дочь. На головах у киргизок были наверчены какие-то невероятные сооружения из белого материала. По киргизскому обычаю все гости занялись в одной из юрт чаепитием. Нравы и быт киргизов суровы и дики так же, как и природа Алая. Об этой природе стоит сказать несколько слов. Днем на солнце зной, доходящий до 40°, а то и больше по Реомюру. Ночью—ниже нуля, так, что вода замерзает. Утром тихо. Но с часу или двух начинает дуть с гор сильнейший ветер, приносящий с собою ледяное дыхание снежных вершин. Тогда, несмотря на солнце, надо надевать полушубок. Нередкое зрелище на Алае — песчаные смерчи. Сильные

вихри с диким свистом крутятся над землею, увлекая за собою все и поднимая ввысь столбы песчаной пыли. Если вы попадете в такой смерч с вами ничего особенного не случится. Вы даже не упадете, но переживете странное чувство, как будто вас захватила воздушная струя, бьющая из гигантского вентилятора, который дует с чрезвычайной силой, с каким-то особым свистом. Внутри смерча создается ясно ощущаемая разреженность атмосферы. Мгновение—и он пролетел дальше для того, чтобы где-то у подножия гор рассеяться и исчезнуть.

Наш лагерь разбит на зеленой лужайке. Наша «Алай-штрассе» богато усыпана мелкими серыми цветочками эдельвейса. В Альпах этот цветок большая редкость. Еще бы! Они растут на высоте 2.500 метров. Достать эдельвейс, значит, прослыть лихим альпинистом. Наши немцы по пути забегали на окрестные горы и, найдя эдельвейс, торжественно транспортировали его к Рикмерсу. Старый путешественник благоговейно принимал это подношение, изрекая неизменно:

— О это очень редкий цветок, о это большое достижение. Сейчас это «достижение» тысячами покрывает склоны окрестных холмов и безжалостно топчется копытами наших лошадей.

29/VI

Второй день идет дождь. Снимать нельзя. Вещи в палатке мокрые. Заалайского хребта все еще не видно. Он затянут дымкой, принесенной ветрами из пустыни Текла-Макан. Днем временами проглядывает солн-

це и подпаливает наши физиономии. Вечером снова дождь, холод, опять одеваем полушубки. Лицо здорово пострадало. Губы растрескались, нос облез. Бритва давно уже не касалась наших щек. Намазанные специальной мазью — белого цвета — от ожогов лица наших спутников похожи на маски какого-то странного маскарада.

10/VI

Снимаемся с лагеря. Наши караванщики под командой караван-баши ловят вьючных лошадей, чтобы приготовить их к пути. Но разгулявшиеся полудикие кони не дают себя схватить и удирают от караванщиков. Караванщики верхом с визгом и криком мчатся за ними. После получасовой погони лошадей загоняют и тогда обозленный киргиз мстит непокорному животному. Со злобой плюет ему в глаза или, окончательно выведенный из терпения, кусает его за ухо. Однажды один из наших узбеков откусил таким образом лошади кончик уха. Перед мелким дождем сложили палатки и окончили погрузку. Двинулись в путь. Перешли вброд протекающую посредине долины «Кызыл-су», что значит «Красная вода». Действительно вода в ней красного цвета от примеси глины. К вечеру подошли к Бардабе, что значит «Гипсовый холм». От Бордабы путь на Кызыл-арт, самое низкое место в Заалайском хребте, 4.200 метров. Других перевалов здесь на Памир нет. У подножи Бардабы находятся развалины рабата — каменного пристанища для путников. Сейчас рабат являет собою жалкую картину. В 19—20 годах его вдре-

безги разбили гулявшие здесь басмачи. Ночь провели в палатке под Бордабой. Было холодно и ветрено. Ночью пошел крупный снег, но не наш московский, мягкий и пушистый, а какой-то особенный, падающий на землю холодными острыми кристаллами.

1/VII

Утро. Мороз два градуса. Палатка обледенела; все в инее. Горы, в которые мы вступаем, до низу в снегу. Прекрасный солнечный день. Небо синее, безоблачное. Пошли. Перед глазами открылась суровая картина: широкое ущелье, покрытое спереди и с боков вечными снегами. Дно ущелья устлано круглыми булыжниками, которые беспорядочно пересечены ручейками. От Бордабы мы идем в это ущелье. Сразу подуло холодным, леденящим щеки, ветром. Изо рта пошел пар. Это ветер с Памира. Через пару часов пути свернули по реке, узкими зигзагами уходящей вдаль, вверх, в новое ущелье. Ветер не стихает. Он проникает всюду, несмотря на кожаные высокие сапоги, кожаные шлемы и теплую одежду. Он леденит все тело и заставляет все время ежиться. Долго поднимается по дороге к перевалу. Дорога идет зигзагами, как домовая пожарная лестница. Слезаем с лошадей, идем пешком, сравнительно легко достигаем вершины перевала. На самой высшей точке, расположенной все же на много ниже, чем окружающие горы, устроен мазар. Правильным кругом сложены камни. Посредине гора камней в человеческий рост, украшенная рогами горных козлов, хвостами яков и тряпками. Ветер крутит все эти укра-

шения. Украшения эти — знак благодарности туземцев, перешедших перевал.

Мы не ощущаем ничего особо неприятного, кроме ужасающего ветра. А ведь в это же время — в июле, два года тому назад, на этом перевале чуть не погиб профессор Корженевский со своими спутниками. Тогда налетела снежная буря и чуть не поморозила всю его группу. Несмотря на сияющее солнце, мы тряслись от холода. Ветер пронизывал до костей. Спустившись с перевала и выехав из ущелья, мы буквально остановились на месте, пораженные неожиданностью. Перед нами расстилалась бесплодная, мертвая пустыня, уходящая вдаль, куда только достигает глаз. По бокам пустыня была скована такими же голыми, как она сама, без малейшего признака жизни, горами. С севера на юг тянется по ней широкая, каменния река, окаймленная желто-бурыми песчаными берегами, с таким же песчаным островом посредине. Мне невольно почему-то вспомнилась мифическая река мертвых Стикс. Думаю, что если таковая существовала, то она была похожа, как две капли воды, на эту каменную, мертвую реку. Это долина Маркан-су, прозванная местными жителями «Долиной Смерти». Действительно самое страшное место на Памире эта долина. «Долина Смерти» — название не случайное. Здесь нет и ничего не может быть живого. Долина находится во власти диких ветров и смерчей. Путь по долине указывают сложенные изредка горки камней да обильно разбросанные скелеты вьючных животных. Однажды, несколько лет тому назад, снежная буря захватила проходивший

здесь целый военный отряд. Погибло много людей и вьючных животных. Нам предстояло ночевать в этой долине. Солнце катилось к закату, а двигаться ночью по «Долине Смерти» наши караванщики отказывались. Разбили лагерь на берегу небольшой речки. Весело затрещали костры, зашипели чайники. Зарезали барана, здорово поужинали. К вечеру погода опять испортилась. Эти жуткие памирские ветры задули с такой силой, что стали выскакивать крепко заколоченные колышки палатки, а сама палатка надувалась парусом. Наружу невозможно высунуться. Ломит лицо, коченеют руки. Наши лошади нервничают, храпят, сбиваются в кучу. С запада надвигается туча — вероятно будет снежная буря, а снежная буря — самое страшное на Маркан-су. Заколачиваю колышки палатки до отказа, закладываю сверху камнями. Заглядываю в палатку к Толчану. Измученный переходом, он спит, уткнувшись носом в одеяло. Ему особенно не легко. Здесь не очень полазаешь с тяжелой Асканией. Здесь, в этой долине, высота 3.700 метров, давление воздуха значительно понижено и всякое передвижение вызывает сильное сердцебиение. Мы пока от горной болезни не страдаем, но немецкий лингвист доктор Ленц в Бордабе свалился с ног: сердцебиение, рвота, головная боль, кровотечение из носа. Мы оставили его там дня на два—на три, пока не оправится и не привыкнет к высоте.

Ночью разыгралась настоящая буря. Откровенно говоря, я ее не заметил, так как спал, как убитый. Сегодня нас должен бы догнать геодезист т. Исаков, но

до вечера так и не явился. Наверно остался в Бордабе вместе с Ленцом.

VII

От ночной бури остался только след. Об ней напоминала только глубоко промерзшая речка. Целый день до вечера шли по «Долине Смерти». Ничего живого, ничто не оживляет каменной пустыни. Часто, часто белеют разбросанные по песку кости, следы когда-то проходивших караванов. С нами едет Исаков. Сегодня утром он явился в лагерь промерзший и измученный. Оказывается, он вчера пытался нагнать нас, но не нашел нашего лагеря. Его застала темнота и снежная буря. Он ночевал среди камней, рядом с трупом дохлого ишака. Стреноженную лошадь он привязал к своей ноге, чтобы та не ушла далеко. Если бы не каменные развалины рабата, которые защищали его от ветра, может быть приключение Исакова окончилось бы значительно хуже. Не мало помогла ему и его теплая, долгополая шуба на меху.

Перевалили через небольшой перевал «Уй-булак-бель», украшенный выветрившимися гранитными глыбами самой причудливой формы, похожими на какие-то гигантские головы сказочных животных. Наконец, спустившись с «Уй-булак-беля», за грядами холмов увидали вдали воды высочайшего на свете мертвого, как все на Памире, озера Кара-куль, блещущего своими водами на высоте 4.000 метров. 4.000 метров! Это почти высота Монблана. Проехав долину, сразу попали в струю ветров, то холодных, то горячих, мгновенно сме-

нявшихся и обдававших нас, то жаром, который больно обжигал кожу лица, то холодом, от которого по спине пробегали мурашки.

Мы ехали к предполагаемому месту лагеря на берегу озера. Лошади, чуя ночевку, сами прибавляли шаг. Хотелось скорее проскочить это проклятое место. Погода совсем не располагала к путешествию. Кругом нас творилась какая-то вакханалия, какой-то шабаш горных ведьм. Крутящиеся огромными клубами тучи обдавали окружающие нас горы снежными вьюгами, так что вершины их из шоколадно-черных превращались мгновенно в сахарно-белые. В другом месте тучи спускались так низко, что своими седыми космами волочились по земле, смешиваясь вместе с пылью. Ветер из ущелий гор дул как из печи, чуть ли не ежеминутно, как по расписанию, оттуда выскакивали смерчи и они крутились на месте, росли, как привидения , и, соединяясь вверху с облаками, исчезали затем вдали. Один такой смерч прошел мимо километрах в трех, обдав нас холодом, как из погреба. Нам удалось его заснять.

С другой стороны озера вообще нельзя ничего разобрать. Все смешалось в хаосе и, как будто бы в дыму от грандиозных пожарищ, крутилось в тысяче ветров, дующих в разных направлениях. Воет ветер. Гуляя по солончаку, он вздымает в вихрь облака белой соли и несет дальше. Вот дымовой завесой несется песчаная пыль.

Скоро ли лагерь? Скоро ли стоянка? Второй час мы едем по этой долине, до берега кажется три шага, а достичь его не можем. Все понятия о расстоянии спута-

лись. Прозрачность воздуха, несмотря ни на что, исключительная. Глаз свободно видит на 30 км. Наконец, стоянка! Когда разбивали лагерь, было уже совсем темно. Горло пересохло. Сильная одышка! Высота 4.000 метров.

3/VII

Тихое солнечное утро. Озеро Кара-куль предстало перед нами во всей своей красе, позируя перед нашими аппаратами. И действительно, есть на что посмотреть! Среди исполинских гор, увенчанных снежными шапками, есть одно такое место, где эти горы расступаются на несколько десятков километров и дают простор этому замечательному озеру. Название Кара-куль, что значит Черное озеро, — неверно. Его надо было бы назвать Лазоревым. В ясный день оно такого цвета, которого я никогда нигде не видал. Цвет воды в нем нежно-бирюзовый, переходящий далее в цвет ляпис-лазури и, наконец, у противоположного берега, в густой строгий кобольт. В мелких заливах, там, где островки и отмели, вода вокруг них всех тонов от нежно-сиреневого до темно-фиолетового — это сквозь воду просвечивают какие-то водоросли. Кругом озера куда не глянь величественные горные цепи, увенчанные шапками вечных льдов и снегов.

Рыбы в озере нет. Вода прозрачна и холодна, но содержит какие-то соли, поэтому-то и не живет в нем рыба. Кругом озера все голо. Слишком высоко: на такой высоте ничто не может расти, разве только чахлый терескен, сухое растение пустыни, наряду с кизяком—

единственное топливо на Памире. А так видна лишь белая соль на песках.

Странное озеро. По его долине кругом у гор крутятся вихри и смерчи. Над горами нависли белые, серые и иссиня-черные снеговые тучи, гремит где-то гром. Ветер крутит по сторонам столбы пыли и белой соли солончаков, беснуясь, как во время урагана. Над самим же озером спокойное, синее небо и тишина, как-будто кто-то заколдовал его.

Давление воздуха вместо нормального 760 мм, — 475 мм, это сильно дает себя чувствовать.

5/VII

Стоим лагерем у Кара-куля, отдыхаем, ремонтируем аппаратуру, чистим ее от песка и пыли. У нас с собою походная лаборатория. Ящик наподобие чемодана, внутри светонепроницаемый мешок. Работающий влезет в этот мешок и закрывается им до колен. Вверху, в крышке ящика вставлено красное стекло. Распаковываем наши химикалии, составляем проявитель, фиксаж. Делаем пробы. К с'емкам надо относиться осторожно. Бывали случаи, что в таких же условиях работы, какие были на Памире, некоторые экспедиции недостаточно внимательно отнеслись к проверке экспозицчи. В результате у них на экране получилось чорт знает что. Мы не желаем допускать подобной ошибки и хотя трудно в таких условиях работать все же тщательно проверяем наши с'емки, проявляя пробы на всех сортах пленки и при всех светофильтрах. Сегодня с утра уходим на южный полу-

стров, который делит озеро пополам. Из-за двух кадров восхода и захода солнца на озере нам пришлось дать сто километров верхом. Приехали на северное окончание острова уже в темноте. Остров гол, мертв и абсолютно безводен. Пытались пить чай, приготовили его на воде Кара-куля. Вода невозможна для питья — отвратительна на вкус. Уснули, закусив всухомятку.

Ночью, оказывается, подходили гости: архары. Огромные, дикие, горные бараны. Повидимому они были удивлены нашим непрошенным вторжением в их владения. Их не испугали зажженные нами вечером магниевые факелы. Не пуган зверь на Памире.

Архары — это великолепные гордые животные, сохранившиеся только в горах Памира да, кажется, еще кое-где на Гималаях. Взрослый самец имеет до 300 клгр. весу. Они покрыты серой, короткой шерстью с белым брюхом, как у оленя. Голова архара украшена дважды закрученными мощными рогами. Вес черепа с рогами достигает 32 клгр. Во что бы то ни стало постараемся снять этих животных, хотя это почти невозможно; они сходят вниз только ночью, день проводят высоко в горах. Ни в одном зоологическом саду нет таких животных. Говорят, что они в неволе немедленно погибают. Да едва ли кому и удавалось поймать когда-либо хоть одного такого красавца.

8/VII

Вернувшись в лагерь, застали гостей: приехал провожающий с правительственной комиссией председа-

тель ЦИК Таджикистана тов. Максун. Соорудили импровизированный прием. В довершение к облезшему носу и щекам слезла еще кожа со лба. Еще одна жертва тутека — горной болезни. Свалился окончательно геодезист Исаков, плохо чувствует себя зоолог Рейхарт. Оба ничего не едят, ночью не спят. В общем больны. В высшей степени неприятно дает себя чувствовать сухость воздуха. К утру ссыхается горло, иногда лопаются даже слизистые оболочки, идет кровь, глотать больно. От сухости листы в книгах сворачиваются в трубочку. Ночью — холод, вода в палатке замерзает. Спим закутавшись в спальные мешки.

7/VII

Весь день дождь вперемежки со снегом. Горы побелели донизу. Холод, вода замерзает. Ручей покрывается льдом.

9/VII

Все лагерные обитатели раз'езжаются на работы. Большая часть немецкой группы экспедиции с Дорофеевым во главе отправляется на реку Кара-джилгу, с ним и астроном Беляев.

Больной «тутеком» Исаков отправляется в Алайскую долину. Остальные немцы отправляются в урощиче Кок-джар организовывать базу. От Кок-джара и дальше уже неисследованная область.

Вечером разыгралась настоящая песчаная буря. Выйти невозможно. Ветер несет песок и даже мелкие камешки. Песок хрустит на зубах, его наносит в па-

дятку. Песком засыпает намазанные вазелином лица. Так в песке и ложимся спать. Вытирать невозможно из-за боли от ожогов. В горах идет снег. С'емка песчаной бури стоила нам генеральной чистки аппарата, засыпанного песком.

Уже месяц, как мы тронулись из Москвы.

10/VII

После переговоров с Щербаковым решили вместе с ним, с завхозом Юдиным и нашим проводником Садыром поехать обратно в Ош, навстречу группе советских альпинистов и заодно получить высланные нам из Москвы Кинамо, запасы фото-пленки, деньги и пр. С нами идет киргиз Джерон, проводник Корженевского. Он поведет нас по новой, более короткой дороге.

Как водится, лошади шли чорт знает куда по берегу озера и мы вышли только в 12 часов дня. Солнце страшно пекло, над Ум-булак-белем собрались гряды облаков. Путь через долину Кара-куля еще тоскливее и длиннее. Проехали километров шесть, стали подниматься, ступаем на перевал и... что за чертовщина!!! На том месте, где вчера была сухая, бесплодная, ровная долина, блестела теперь водная поверхность. Неужели за ночь явилось новое озеро? Поднялись выше: озеро ушло влево, но по-старому продолжает блестеть на солнце, окруженное потоками горячего воздуха, подымавшегося вверх от песка.

Озеро видел не я один, видели и другие. Спросили Дмитрия Ивановича, смеется. Оказывается мираж, самый настоящий мираж пустыни. Никакой воды нет

ни впереди ни сбоку. Это лучи света, отраженные о
озера Кара-куля, преломляясь на горячем воздухе пу
стыни, обманывают так же, как в Сахаре, Гоби и дру
гих пустынях.

Когда добрались до долины Маркан-су, тучи закры
ли все небо, поднялся ветер, пошел снег. Подгоняе
лошадей. Устроили маленькое совещание. Решили н
ночевать в Маркан-су, а попытаться проскочить прям
до Бордабы. Ветер все сильнее и сильнее дул наискос
от ущелья, нанося белую, каменную пыль. Солнце по
тускнело и совсем скрылось за молочными облаками
Белая пыль неслась как бы морскими волнами. К пыл
присоединился вскоре колючий снег, слепивший глаз
и мешавший смотреть. Вся пустыня, как бы просну
лась. Ветер завыл, засвистал. С трудом поднялись н
Кызыл-арт. Под ветром добрались до вершины. Не
заметно стемнело. Небо все обложило и закрыло мо
лочно-густой пеленой. Впереди ничего не видно. Ветер
все не уменьшался. Стали спускаться с перевала. Не
ожиданно белая пелена облаков, висевшая в несколь
ких саженях над нашими головами, сразу как бы упала
вниз. Пошел густой снег, быстро выбеливший все кру-
гом. Дорога быстро была занесена снегом. Мы пре-
вратились в живых, белых чучел. Лошади сбивались
с дороги. Стали упираться. Пришлось пойти пешком
и повести коней за собою. Так в темноте, под снегом,
в холод шли километров двадцать и, наконец, совер-
шенно измученные добрались до Бордабы. В полночь
по дороге встретили группу пеших людей с пятью
ишаками. Они нам сказали, что идут в Алайскую до-

ину и что по дороге в снежную бурю трое их спутни-ки неизвестно куда пропали. Наверно сбились с пути и сорвались в пропасть. По дороге немножечко ушибся Толчан. Под ним два раза падала лошадь, выбивая его из седла. У самой Бордабы встретили еще одну группу каких-то странных личностей. Я ехал первым на пути и когда увидал в нескольких шагах что-то темное, преградившее нам путь, крикнул:

— Кто идет?

Молчание. Положил руку на браунинг, снова:

— Кто идет? В ответ:

— Я.

На столь многозначительный возглас вытаскиваю револьвер, вкладываю патроны:

— Кто, я?

Личности, их оказалось пять, вплотную подошли к нашим лошадям. Двое взялись за уздцы. Шутки плохи. Вполне возможно — басмачи.

— Дай дорогу! — Дергаю лошадь. Незнакомцев, очевидно, испугало наше вооружение и не говоря ни слова, они уступили нам путь и мы поехали дальше. Скоро Бордаба. В развалинах рабата разложили спальные мешки и спали остаток ночи, как убитые, оставив на всякий случай дежурного.

VII

Третий день, как стоим в Алайской долине в киргизском кочевом ауле, старшиной которого является наш Джерон. Приняты замечательно любезно. Для нас немедленно были изготовлены бурсаки — кусочки белого теста, сваренного в кипящем сале; зарезан

и сварен молодой барашек; кумыс, каймак вволю. Живем в юрте, научились сидеть на корточках, как заправские киргизы. В юрту набились до отказа жители аула. Все смотрят на нас. Не вместившиеся глядят сквозь щели и вход. Мы достаем из общей миски руками горячую баранину и при помощи ножей быстро с ней расправляемся. Хозяин и старшие из мужчин разделяют трапезу с нами. Вот хозяин вытащил аппетитное баранье ребрышко. С'ел все мясо и огрызок передал женщинам. Те до-бела обглодали косточки, а об'едки передали дальше собакам. Таков порядок обеда согласно старинному киргизскому обычаю.

Киргизский обед начинается «дамальвазом». Все гости садятся в кружок. Достается старинная, переходящая из рода в род деревянная чаша в полобхвата. Чаша до краев наливается кумысом. Первым пьет из нее хозяин, потом ее наполняют снова, передают соседу и т. д. Выпив по первой, приступают ко второй, третьей и т. д. Постепенно один за одним гости не выдерживают, выходят из-за стола. Победителем признается тот, кто выпил больше всех. Рассказывают, что однажды, один толстый бай до такой степени упился кумысом, что когда влезал на лошадь, отправляясь домой, сорвался и уже не мог подняться. Бай вскоре умер, у него лопнул желудок.

На второй день стоянки нас пригласили на охоту. Моя лошадь набила спину и мне было жаль на ней ехать. Киргизы предложили мне яка-кутаса, на котором я великолепно прокатился. Мы забрались высоко в горы, там была устроена облава. Здесь уже лошади

не могли идти вверх, но мой кутас, пыхтя, как паровоз, без особенных затруднений тащил меня. Охота не удалась, загнать стадо киников не пришлось, но я не жалею, так как прогулка была прекрасной. Кутаса за удобство езды на нем и выносливость назвали «высокогорной под'емной машиной».

Распрощавшись с приветливым хозяином, пошли мы по тропинке к перевалу Джиптык. Путь через этот перевал много труднее и опаснее Талдыка, но зато до Оша через него можно добраться на два дня скорее. Сначала было ничего, но последние 300 метров были очень тяжелы. Перед нами высились нагроможденные в беспорядке острые камни. Где-то по ним шла предполагаемая дорога. Пришлось слезть с лошадей и пустить их вперед, а самим держаться за их хвосты. Останавливаясь каждые пять шагов для отдыха, карабкались мы таким образом вверх. Когда добрались до гребня перевала увидали, что другая сторона его покрыта свежим, глубиной до колен снегом. Осторожно протаптывая тропинку, благополучно провели верховых лошадей. Вьючные, как это нередко бывает, сбились в кучу и попав в снег, покатились вниз, застряв в рыхлом снегу. На половине ската их пришлось развьючить и осторожно свести вниз: лошадей держали двое — один под узцы, другой за хвост. Помогая одной лошади, я, споткнувшись, упал и, лежа, проехав по скату вниз, плавно скатился прямо в ручей, вытекавший из-под снежного поля. За мною сюда же с'ехали на брезенте все вьюки, снятые с лошадей. Нашу вьючную лошадь с аппаратурой переправляли с сугубой

осторожностью. Всю эту кутерьму, что удавалос схватить, снимали «Септом». Мне пришлось из ручь снова взобраться наверх для того, чтобы помочь тов рищам. Когда вся экспедиция была уже ниже снего наверху остались лишь снимавшие ее, я и Толчан, м решили повторить проделанный мной невольный трю Оттолкнувшись с работающим Септом на руках м с Толчаном спокойно с'ехали вниз. Вскоре закончил вьючку рассыпанных грузов и пошли вниз.

Показались низко распластанные по земле кусти арчи. Дальше отдельные арчевые деревья, целый ле наконец, лиственные деревья и первые посевы.

17/VII

Под'езжаем к Ошскому оазису. Сегодня нас пойма ли пограничники, приняв за контрабандистов. Об'я снившись, поехали с ними до Оша. Ребята хороши ехать вместе веселее.

18/VII

Ош. Парикмахер, мытье, столовая, фрукты. Посл дождливой осени Алая, зимы, перевалов и весны аль пийских лугов, снова лето. Жаркое лето Ферганы.

24/VII

Сегодня прибыла последняя группа нашей экспеди ции. Приехали на автомобиле из Андижана: Горбунов Крыленко, Розмирович, Шмидт и Россельс, а за ним немного позже Ауберг, комендант экспедиции, и зо олог московского зоопарка Соколов.

20/VII

Выехали в пять вечера из Оша. Нас сопровождает в виде охраны группа пограничников. Наш конный караван пущен утром вперед и должен приготовить для нас лагерь и питание. Стемнело. Вышла луна. Идем по узкой тропинке тем же путем, каким возвращались с Алая. В темноте сбились с конной тропы и попали на пешеходную. Сразу пришлось спускаться вниз по большой крутизне, почти без дороги. Кое-как ориентировались, пошли по берегу реки Ак-буры и после долгих поисков натолкнулись на стоянку нашего каравана. Скоро появились остальные наши спутники за исключением Шмидта, Ауберга, Россельса и двух пограничников. Послали разведку в росположенный недалеко узбекский кишлак, в то место, где пешеходная тропа снова встречается с тропой караванной. Верховые вернулись ни с чем. С неприятным чувством тревоги легли спать. Утром разослали погоню во все концы. Лишь в полдень явились наши пропавшие спутники. Оказалось, что они заблудились и ночевали в поле. После тщательных поисков каравана решили вернуться обратно в Ош, но встретили наших разведчиков. Двигаемся вперед. На обязанности Николая Васильевича Крыленко охота, поэтому там, где он проходит, не остается вокруг ничего живого. Колекции пополняются новыми зверюгами и птицами. Я и Толчан не отстаем от Николая Васильевича и стремимся с ним конкурировать, но удается нам это очень плохо. За нашу пальбу нас немилосердно ругает Елена Федоровна Розмирович — единственная женщина в

нашей экспедиции. Вечером в лагере доктор Россельс и Крыленко обдирают шкурки с убитых за день зверьков. По всему видно, что это не очень им нравится.

29/VII

Идем вверх по реке Джипык. Переходим висячий мостик. Крыленко охотится, Горбунов собирает растения, Розмирович ловит бабочек и жуков. Мы с Толчаном снимаем. Полное разделение труда.

Подошли к старому знакомому Джитыку, собирались снимать кувыркание лошадей, а вышло хуже. С утра погода испортилась, пошел снег, облаками затянуло все кругом. Мы с Толчаном решили выйти раньше всех и взобраться на перевал заранее. Для этого разделились. Толчан с Садырем и аппаратом Кинамо ушли на вершину перевала, а я вместе с верховой группой и аппаратом Септ стал подниматься на перевал. Повалил густой снег. Кругом все побелело. Лезем пешком в гору, держась за хвосты лошадей. Лошади скользят, кувыркаются. Вот под'ем к перевалу — снежный скат. Ряд знакомых картин. Первым пошел Горбунов и первым же свалился со своей лошадью.

— Толчан, чорт вас возьми, снимайте! Снимайте, говорю вам!—И одновременно затрещали два аппарата. Кинамо сверху и Септ снизу. После Горбунова полезли другие. На вершину перевала зобрались, наконец, после часовой возни, все в снегу.

Осторожно сводим лошадей на ту сторону. Облака все гуще и гуще. Гребни соседних гор исчезают в бе-

кой, густой мути. Снизу поднимаются клубы белого тумана. Показывается впереди вьючный караван. Переправив Садыра вниз с Асканией во вьюке, дежурим на вершине перевала, мокрые и продрогшие — ждем новых событий. Как ни странно, благодаря уже протоптанной нами дороге, весь караван благополучно поднимается на перевал.

По ту сторону скал, уже бесснежную, мокрую и скользкую от облаков, разыгралась настоящая драма. Верховые с лошадьми ушли далеко вниз, караванные же кони, перешагнув гребень перевала, груженые восьмипудовыми вьюками, сбились в одну кучу, не решаясь спускаться вниз без всякой дороги по хаосу острых камней. Только после окриков караванщиков да ударов камней, измученные тяжелым под'емом лошади пустились вниз. Но вот поскользнулась одна, за ней споткнулась другая, толкнула третью. Все три кувырком полетели вниз по острым камням. Остальные шарахнулись, сорвалась четвертая, за ней полетела еще одна, крутясь через голову. Последняя, совершая жуткие кульбеты, исчезла с наших глаз где-то внизу в седых клочьях тумана. Мы сидели на гребне перевала и были свидетелями все этой трагедии. Нам удалось полностью снять эту потрясающую картину. Когда сорвалась третья лошадь, я не выдержал и, позвав за собой Толчана, ругаясь на чем свет стоит (для скорости что ли), полез вместе с ним вниз по пути, который указывали нам кровавые следы катившейся вниз лошади. Бросившись опрометью вниз прямо по каменной осыпи мы вскоре попали в такое

место, где уже пожалели о своей чрезвычайной ретивости. Мы стояли, вернее висели, на краю двенадцатиметрового обрыва, по которому неслась вниз струя превратившейся в водопад горной речки. Лошадь исчезла. Вверх подниматься было уже нельзя, так как осыпь под нашими ногами все время ползла вниз. Стали искать дорогу, кое где спустились на животах, помогая друг другу. У самого подножия обрыва я последовал примеру лошади, совершил несколько кульбетов по камням и пребольно ушиб колено. «Приятное» воспоминание об этом моменте осталось и до настоящего времени. Прошли несколько шагов по каменной осыпи. Вдруг перед нашими глазами развернулась жуткая картина. На камнях среди разбитых вьюков и ящиков, лежала, истекая кровью, с размозженным черепом и переломанными ребрами, караванная лошадь. Несколько минут тому назад бодрое и сильное животное, хрипело сейчас в предсмертной агонии. Вместо лошади — стала груда живого горячего мяса. Кругом на десятки шагов валялись исковерканные и изломанные вещи из вьюков. Капканы и жестяные коробки смешались с раздавленными галетами и печеньем.

Вскоре подошли спускавшиеся по тропинке спутники. Оказалось, что мы в несколько минут спустились до того места, к которому они шли кружной тропой в течение часа. Подобрав годные из разбитых вьюков вещи, двинулись дальше, по пути к Алайской долине. Еще несколько часов пути — и мы в ауле. Готовится ужин, пьем чай с буурсаками. Промокшая одежда сушится. Лошади, связанные по паре, выстаиваются после долгого пути.

Алайская долина нам уже знакома. Но теперь не было той прежней дымки, и перед нами гигантской стеной, протянувшись с востока на запад, во всем своем мощном великолепии появился Заалайский хребет, или, как его называют немцы, Транс-Алайский хребет. Прямо — высился гигантский пик Ленина, высочайшая точка во всем СССР, 7.300 метров. Склоны его покрыты снегом почти до самого основания. Не надо забывать, что высота Алайской долины—3.000 метров, а это уже выше снеговой линии Кавказа. Слева — немного уступающий пику Ленина Кизил-агин, затем небольшое снижение, как бы прорыв в горной цепи, Бордаба, единственный с этой стороны перевал на Памир. Левее Бордабы — трехрогий гигант Курумду, что значит «Виднеющийся». Вершина гиганта то скрывается в облаках, то выступает над ними, ослепительно сияя на солнце. Сияние настолько сильно, что смотреть без темных очков невозможно.

С места в карьер взялись за работу. Наш главный охотник Николай Васильевич Крыленко и не желающий отставать от него Отто Юльевич Шмидт, соперничая друг с другом, набили кучу сурков. После охоты сдирали шкурки. Этим делом занялись Николай Васильевич и доктор Россельс.

Боевой охотник Николай Васильевич, посаженный за противную работу, проклинал все на свете: и упитанных сурков за их жир, и даже нас, киношников, снимавших эту процедуру. Названием киношники — мы обязаны Николаю Васильевичу: он нас так окрестил и иначе не называл. Мало того. Он в дальнейшем ском-

прометировал нас навеки, именуя так в своих фельето-нах и закрепив за нами навсегда это прозвище.

1/VIII

Перебрались в Сарыташ, расположившись недалеко от того места, где мы в прошлое посещение Алайской долины разбивали лагерь. Погода неважная.

2/VIII

Погода прекрасная. Снимаем исторический момент. Походный столик. Сидит доктор Россельс, об'явивший себя художником, и аккуратно зарисовывает Заалайский хребет. Происходят октябрины вершин хребта. Только три имеют названия, которые я уже раньше перечислял, а остальные не называются никак. Спорим, определяя названия. Наносим на рисунок вершины. Наименовыьаем: Заря Востока, пик Пограничника, участок около Бардабы — гора Корженевского, далее — Архар, Баррикады. По соседству, за пиком Ленина, пики: Дзержинский, Красин, Цурюпа; наконец, самый западный пик назвали пиком Якова Свердлова.

Весть о нашем прибытии, при посредстве Узум-кулака, этого подлинного киргизского телеграфа, состоящего в том, что нужное известие с быстротой молнии передается от одного встречного к другому и доносится немедленно до адресата, быстро разнеслась по всему Алаю. Со всех концов, некоторые за сотню и более километров, приехали к нам с «визитом» кочевники киргизы. Гости под'езжали в течение полдня. С'ехалось до 600 человек.

Не малую роль здесь сыграл наш, так сказать, кинематографический прием. При первом возвращении из Алайской долины я, через своих киргизов, распространил слух, что, когда мы поедем во второй раз, мы устроим для киргизов праздник, на котором угостим их надлежащим образом и произведем с'емку. Как видно Узум-кулак помог распространить слух.

Мы выполнили свое обещание. Были зарезаны и сварены целиком два огромных яка, расстелены кошмы, разложены дарстаханы. Пригласили гостей, которые уселись правильными четырехугольниками. В центре поместились почтенные бронзово-кожие старики в огромных лисьих шапках или белых чалмах. Тут же Алайский кочевой сельсовет. Кругом — более молодые и менее почтенные гости. Начальник экспедиции произнес речь, председатель сельсовета, степенный старик, в ответном слове приветствовал от имени собравшихся экспедицию и начинания советской власти, помогающей киргизам наново строить свою жизнь. Предложенное угощение гости с'ели в течение нескольких минут. Затем последовало многоголосое:

— «Рахмат» (спасибо).

По восточному обычаю провели руками по лицу, как бы умываясь, что означает окончание пира, и поднялись. Мгновенно были собраны кошмы и дастраханы. Все повскакали на своих коней и началась байга. Байга—по нашему скачки. До скачек лошади были покрыты теплыми попонами, которые закрывали их с головы до ног. Попоны эти похожи на облачения лошадей, запрягаемых в похоронные дроги, только зна-

чительно теплее. Лошадей ими укрывают для того, чтобы те хорошенько потели, становились бы худее и чтобы не простужались. Жокеями были посажены маленькие ребятишки. Руководил скачками и всем праздником местный киргизский герой Меланез.

В свое время, когда наступали басмачи, Меланез командовал большим киргизским партизанским отрядом в несколько сотен всадников. Отряд не мало помог в борьбе с басмачеством. В байге участвовал сынишка Меланеза, черноглазый киргизенок лет девяти от роду. Рысью всадники ушли в сторону и по сигналу пошли карьером прямо на нас. Дистанция четыре километра была пройдена очень скоро. Сначала показалось облако пыли. Затем черные фигуры скачущих. Толпа в 600 всадников, все верхом, разделилась на две группы, образовав между собою улицу, по которой должны были проскакать гонщики. Толпа волновалась, как морская поверхность. Посредине улицы, в двух шагах от финиша, стоял Толчан с Асканией и около него — я с Септом. Чем ближе приближались всадники, тем больше нарастал у собравшихся азарт. Когда показались немилосердно бьющие коней своими камчами всадники, стремительно мчавшиеся к финишу, раздался многоголосый рев. Все замахали камчами, захлопали руками, поощряя всадников. Мчась на самый аппарат мимо нас, пролетали, обдавая холодной струей воздуха, гонщики. Первым пришел самый маленький из них — сынишка Меланеза. Он проскакал, сидя как кошка, без стремян почти на шее лошади и чуть не свалился от изнеможения и нервного под'ема. Победитель полу-

чил пять новеньких полтинников и был невероятно горд и счастлив.

За байгой на конях последовало новое замечательное зрелище. Байга на яках. Вообще такого случая раньше не бывало. Мне показалось очень заманчивым снять гонки на яках, тем более, что яки весьма фотогеничны, выражаясь по-нашему. Особенно упрашивать киргизов не пришлось, так уж их разожгла конская байга. Дистанция была дана значительно меньше. По-старому мы стояли в центре и на нас неслись уже не кони, подчинявшиеся каждому движению всадников, а огромные, косматые чудовища, хрипящие во всю мощь своих легких. Пригнув голову к земле, выставив вперед острие рогов и ничего не замечая впереди, прямо на нас неслись раз'яренные животные, сотрясая землю топотом своих тяжелых копыт. Управление яками, состоявшее из веревки, привязанной к деревянному кольцу, продетому в нос, давно уже перестало действовать. Всадники неистовствовали, дико вопя, они зверски лупили по головам животных огромными палками. Ничего не соображавшие животные неслись вперед. Поровнявшись с линией зрителей, подгоняемые криками толпы, они еще прибавили ходу и... огромный черный як-победитель, у финиша никем не управляемый, поддел рогами штатив толчановского аппарата, отбросил его в сторону, как соломинку. Если бы не руки наших ловких пограничников, схвативших аппарат буквально налету, мы лишились бы этого единственного у нас серьезного приспособления. (Могло случится, что и оператора.)

А все-таки рисковать стоило. Замечательное было зрелище. Только, как оно смонтируется на экране.

За байгой последовал улак — иначе козлодрание. Эта дикая игра степных кочевников, происхождение которой теряется в глубине веков, заключается в том, что берут козла или, в исключительных случаях, как это было сейчас, хорошего теленка, убивают его и, чтобы он был менее ухватистым, долго ломают кости. Затем приготовленную таким образом тушу бросают в толпу всадников — участников игры. Задача каждого схватить эту тушу и ускакать с ней из толпы. Тушу надо принести к месту, где находится руководитель игры или почетные гости, и бросить к их ногам. Когда кто-нибудь завладевает теленком, все остальные вырывают. Каждый стремится стать победителем. Дико свистят камчи, опускаясь на головы коней, а сплошь и рядом на спины и головы участников. Специально дрессированные для улака лошади кусают друг друга, лягаются, иногда прихватывая и седока-соседа. Горе тому, чья лошадь упадет в толпе: и всадника и коня затопчут в этой каше. Не раз такие игры кончались смертью для некоторых участников. По нашему требованию все участники, а их было несколько сотен, собрались в большом овраге. На пригорке выстроились зрители. По знаку Горбунова туша полетела в толпу участников. Сразу завертелся огромный человеческий клубок, поднялось облако пыли. Кто-то схватил тушу и по пригорку оврага покатилось живое, дико вопящее месиво из лошадей и людей. Не попадайся никто навстречу! Затопчут. Несколько раз эта лави-

на, ослепленная азартом и не думающая ни о чем, налетала на наш лагерь и если бы не цепь из почтенных стариков, отцов участвующих в свалке, выстроившихся стеной между лагерем и участниками улака, лагерь буквально был бы опрокинут и затоптан.

Я поставил Толчана с большим аппаратом на пригорке, поручив ему снимать общий план. Сам же, вооружившись Септом, решил попытаться под'ехать на своем скакуне к улаку и заснять с карьера несколько крупных планов. Результаты чуть не получились плачевными. Снимать-то я снимал, что получилось — не знаю, а два раза улак захватывал меня в свою гущу. Сдавливаемый со всех строн лошадиными боками, я насилу выдрался, не выпуская из рука Септа, и получил несколько ласковых ударов камчей. Больше я уже не решался соваться в улак, радуясь, что первое предприятие окончилось столь удачно.

Наступил час от'езда. Мы успели упаковать вещи и выйти далеко по направлению к Бордабе, а улак все еще продолжался. Долго, долго мы видели столб пыли, носившейся взад и вперед по степной равнине.

В Бордабу добрались поздно вечером. Мы были приятно поражены появившейся там неизвестно откуда юртой. Приветливый хозяин юрты — безносый киргиз об'яснил, что это Алайский кочевой сельсовет выслал специально для нас юрту.

4/VIII

Старый знакомый Кизил-арт, «Долина Смерти» — Маркан-су.

Ветер и пыль. Холод и смерчи, все наши старые знакомые. Маленькое изменение программы намеченного пути — неизвестно куда пропало пять лошадей. Старик Абулхан один из наших караванщиков поехал их отыскивать. Прибыли в лагерь Кара-куля.

7/VIII

Стоим на Кара-куле. Отдыхаем. Днем поджариваемся, ночью подмерзаем. Вчера купались в озере Кара-куль. Все это дело затеяла Елена Федоровна — удивительный человек! Старая большевичка-подпольщица, она ничего на свете не боится и в частности холодной воды. Она при царизме, когда была в ссылке в Сибири, приучила себя к купанию в ледяной воде. Шутка Горбунова, напутствовавшая меня перед от'ездом: — Не забудьте захватить купальные костюмы для Кара-куля, — оказалась пророческой.

По приглашению Елены Федоровны я, вместе с другими, надев на себя какую-то неопределенную принадлежность туалета, заменившую мне купальный костюм, храбро разделся и полез в воду. Вода ледяная, всего 3—4° выше нуля. Солнце печет, не влезешь в воду — обожжешься до волдырей, опуститься же в нее — нет никаких сил. Холодно! Однако, не желая позориться в глазах Елены Федоровны, я несколько раз пробовал окунуться, но немедленно вылетал, как чертик из коробочки. В конце-концов позорно бежал. Задолго до меня сбежали все остальные, участники этого купания. Пересидела всех в воде Елена Федоровна. Мужское население лагеря было посрамлено.

При первом посещении Кара-куля экспедиция организовала на берегу временную метеорологическую станцию, при которой состояли наблюдателями двое молодых рабфакавцев из Ташкента. От жизни на Кара-куле, от каракульской погоды, памирской высоты и тоски эти два парня совсем одичали и напоминали собою чуть ли не первобытных людей. Мы их прозвали «вымирающее племя» и сильно с ними сдружились.

Днем на озере астроном Беляев убил замечательный экземпляр голубой цапли. Соколов содрал шкурку, а тушей завладели я и Толчан. Проклятая баранина осточертела. Нас ею кормили во всех видах. Несмотря на разнообразные названия, все блюда приготовлялись так или иначе все из той же подлой баранины. Баранина с рисом — плов, баранина просто — кавардак, баранина в кипятке — шурпа и т. д. Консервов нам пока еще не дают. Они нужны для дальнейшего пути, а на баранов мы не можем смотреть даже на живых, так они нам надоели. Решили поэтому сами состряпать обед. Из туши цапли Толчан приготовил изумительное жаркое. Он оказался великолепным поваром, никак не хуже, чем оператором. Банкет устроили во «дворце метеорологии», т. е. в палатке рабфаковцев. Пригласили Николая Петровича Горбунова, он был растроган. На первое суп из бульонных кубиков Магги, на второе голубая цапля, соус Памир, дальше компот из сушеных фруктов и, наконец, кок-чай с немецкими подошвоподобными галетами.

8/VIII

С нами во вьюке пришла складная брезентовая лодка. Ее собрали. Первыми людьми, появившимися на водах озера Кара-куля, были Горбунов и я. Лодка того и гляди перевернется. Перспектива не важная, так как плавать в Кара-куле невозможно: разреженный воздух на этой высоте моментально вызывает одышку и пловец, перед тем как утонуть, должен задохнуться. Исследовали озеро, бросая ручные гранаты. Определили, что рыбы в озере нет. Вечером Крыленко читал свою корреспонденцию в «Известия». От души смеялись. Удивительно подхвачены мои пререкания с Толчаном, где я последнего называл «гадом», подозревая в злостном хищении моей миски. Теперь можно сказать Николай Васильевич опозорит нас на весь Союз. Опасно ездить с пишущей публикой.

9/VIII

Оставив экспедицию вместе с охотником Андреевым, ушли к южному полуострову Кара-куля. Накануне видели там архаров и решили на рассвете заснять их. Эти подлые животные никак не поддаются с'емке. Днем они сидят в неприступных горах и только ночью спускаются вниз. Мы решили выехать до восхода солнца и засесть в такое место, мимо которого они пойдут с пастбищ. На южном берегу всем нашим отрядом застряли по пути в болоте. После небольшого привала в четыре часа утра, при морозе, двинулись в засаду. Лошадей на ночь не расседлывали. Солнце скоро взойдет, не опоздать бы. Рысью к горам. Быстрым шагом

вверх по склонам в засаду. Решили засесть у перешейка острова. Горы нагромождены каменными пиками. Камни и камни. Ни одного кустика, ни одной былинки, ни капли влаги. Поднимаемся метров на 200. Остановились, связали лошадей, обвязали им морды, чтобы не заржали. Взяв на руки аппарат, штатив и телеоб'ективы, по архарьим тропам, полезли вверх. Солнце встает. Холодный ветер морозит лицо, идем в полушубках по горным склонам, останавливаясь каждые 3—4 метра. Вот до этой скалы кажется рукой подать, идем, вернее карабкаемся, еще 100 метров. Наш проводник ругается на всех известных ему языках и тащится со штативом, высунув язык. Бедный Толчан с тяжелой Асканией совсем выдохся. У него разболелась голова. На такой высоте—более четырех с половиной километров—передвигаясь с тяжестью, можно легко заработать порок сердца. У меня всего две кассеты «Кинамо» и телеоб'ективы в Аскании и то я совсем выдохся. Солнце взошло, начинает греть. Солнечная сторона поджаривается, теневая мерзнет. Стоп! Вниз на колени, за камни! И мы на животах ползем за прикрытие.

Вдали, внизу, в лощине стадо архаров в пятнадцать штук, за ними еще два архара. Один из них самец спускается по крутым склонам. Сильный ветер в нашу сторону — это нам благоприятствует. Архары очень чутки. Никто никогда не снимал их живьем для кино или на фотографии. Ни один зоопарк в мире не имеет ни одного экземпляра. Снимаем телеоб'ективом одну пару, хотя она и далеко.

Теперь пусть подходят.

— Ах чорт возьми, свернули вниз и пошли от нас. Андреев на коне несется вниз и скачет в обход с тем, чтобы погнать зверей на нас. Ждем полчаса, час — безрезультатно. Архары исчезли. Возвращается Андреев. Спускаемся вниз, солнце уже высоко. Печет немилосердно. Давно сняли полушубки, мрачные идем к нашей стоянке и со злости ложимся спать. В два часа нас нагоняет основной отряд. Кстати, еще об одном участнике экспедиции—английском сетере Горбунова Гарри. Этот пес прекрасно помог нам сегодня на охоте. Не на той, неудачной, на архаров, но на уток, которых мы заметили на маленьком озере около Каракуля. Почти всех, которые прилетели на озерцо, перебил Николай Васильевич. Вечером угощались ужином из дичи.

13/VIII

Прошли долину, оставив за собой Кара-куль. Прошли еще одно озеро «Курук-куль». Сделали дневку в урочище Кок-донар. Завтра на рассвете выедем на реку Танымас — границу неисследованной области.

Кок-джар — небольшая площадка под горным хребтом. Посредине, в глубоком ущельи (каньоне) струится река. Наш берег спускается довольно полого, противоположный — гигантская стена, изрезанная руслами прежних ручьев, горой высится перед нами. Геологи утверждают, что там есть золотоносные породы. Сейчас они, как обычно, ковыряются со своими молотками, ползая по склонам. Сняли их работу. На экране это получится скучно, надо что-нибудь выдумать т-

..., что будет интересно для зрителя. Что ж? Можно
...рудить хороший взрыв. Это входит в процесс ра-
...ты геологов, когда им нужно отделить пласт для
...го, чтобы забраться поглубже в породы. Обязанно-
...ти режиссера в экспедиции многообразны и волей-не-
...лей я превращаюсь в пиротехника. Беру жестяную
...робку от пленки, всовываю туда три фунта черного
...роха, вставляю обрубок магниевого факела, вместо
...ила, переправляюсь на другой берег, карабкаюсь
... склону вверх. Обрыв немаленький, метров 50—60.
На самом краю заложил банку, все разбежались. Под-
...ес спичку к фитилю, приготовился бежать, но бомба
...орвалась в руке, вместо того, чтобы взорваться через
...ве минуты, как я предполагал. Кое как, в полубес-
...нательном состоянии, я отбежал по осыпающемуся
берегу и упал. Через несколько секунд очнулся и по-
бежал навстречу перепуганным спутникам. Меня схва-
...или, первым делом начали стягивать фуфайку. Ока-
...ывается, я не заметил, что у меня тлеет рукав, от
которого остались одни лохмотья. На спине выгорела
огромная дыра, края которой продолжали дымиться.
В результате ожог руки и всей головы. Сожжены во-
...осы, борода, брови и ресницы. К счастью глаза не
...овреждены. Первая работа доктора Россельс. Ди-
...ноз: ожог первой и второй степени. Обильно обма-
...ывают вазелином, тщательно забинтовывают.

Взрыв все же решено снять.

VIII

Еще на день остались в Кок-джаре. Пошли в горы
для опыта, так сказать. Поднялись на 5.000 метров.

Я, несмотря на боль и перевязку, решил тоже пойт
На обратном пути, катясь вниз по осыпи, оступил
Подвернулась разбитая на Джиптыке нога, свали
и разбил себе в кровь еще и голень. К счастью бы
шие со мною септовские кассеты не пострадали.

15/VIII

С рассветом вышли на Танымас. По краю обры крутым спуском спустились к реке. Так рано выш для того, чтобы перейти вброд, пока не успела пр быть вода с ледников. Вода в Танымасе, как и во вс горных реках, быстро прибывает, лишь только нач нают вступать в них воды с тающих ледников. Сам опасное время после полудня. Тогда Танымас нес с гор свои мутные волны по широкой бесплодной л щине. Русло его постоянно меняется и разбивается н несколько рукавов более или менее глубоких. Нам пр шлось переходить вброд семь раз. Два последни после 12 часов. Лошади едва справились с сильны течением, бродов к тому же никто не знал, так ка в этой области никто никогда не бывал, не счита поднявшихся до нас немцев, потерявших в водах Та нымаса с десяток своих чемоданов. Вытянувши длинной вереницей, перебирались мы с трудом чер потоки, подмачивая вьюки. Перед последней перепр вой сбило лошадь нашего зоолога Соколова и он чут не погиб. К счастью река сделала поворот и Соколов вынесло на другой берег. Спаслась и его лошадь. Про шли мимо спускающихся к реке с обеих сторон мощ ных ледниковых масс. Поднялись на левый берег н

ромное плато, выстланное тончайшим порошком никовых наносов, и вступили в лагерь Танымас № 1. Здесь уже находились пришедшие раньше нас мцы, направленные сюда для того, чтобы собрать осильщиков и подготовиться к дальнейшему восхоению экспедиции.

VIII

Интенсивно готовимся к дальнейшему пути. Теперь на ошадях итти уже нельзя. Весь груз, включая продовольствие и топливо, придется нести на себе и на нольщиках. А носильщиков мало и достать их очень рудно. Таджики боятся гор, в особенности из-за звестной уже легенды. Лазили на соседний ледник, алали пробные с'емки. Толчан на целый день засел лаборатории, проверяет пробы.

Лагерь № 1 расположен на правом берегу Танымаа. Река бежит в глубоком ущельи между горами снежными и ледяными шапками, возвышающимися а многие сотни метров. С обеих сторон к реке спуаются мощные ледники, представляющие из себя аотическое нагромождение ледяных скал, перерезанных трещинами и провалами. По бокам медленно, невидимо ползущих вниз льдов лежит мертвый лед, уже неподвижный, черного цвета от в'евшейся в него пыи. Слева спускается один ледник, справа по долине Танымаса несколько. Лагерь разбит между первым и вторым, на полпути, на ровной каменной площадке, покрытой слоем пыли морен. Пыль проникает всюду и в палатки, и в вещи, и даже под карандаш, когда

пишу эти строки. Климат — смесь Сахары с Гренла
дией. Под солнцем жарко и тут же ледяной ветер; г
рячий песок и рядом льды. Растительности нет ник
кой, кроме редкой травки и сухой полыни, лепящей
где-то среди скал. Кругом камни и льды, льды и камн
и вечно шумящие горные потоки. Мы все обросли б
родами и походим на моржей. Один Николай Васил
евич не выдержал и побрился и, конечно, обжег щек
на солнце. Проклял все на свете, ходит теперь вым
занный белой немецкой мазью от ожогов.

Наметили дальнейший план работы. Переговорил
с Горбуновым и другими. Горбунов и его группа пой
дет обратно по Танымасу, обойдет по реке Вартанг
неисследованную область и постарается подняться
с юга вверх по реке Язгулем, а с ее верховьев вступит
в зону неисследованной области. Крыленко, Розмиро
вич, Россельс и Дорофеев попытаются подняться по
Танымасу, пересечь неисследованную область, оты
скать какой-нибудь перевал и выйти на верховья Яз
гулема, где предположено встретиться с группой Гор
бунова. Немцы будут помогать в этих работах.

Посовещавшись, мы решили итти с группой Крылен
ко с тем, чтобы пройти в центр неисследованной обла
сти и там решить, как вести дальнейшую работу. Мы
совещались, сидя у каменного стола перед чаем под
высоким обрывом горного склона. Вдруг дикий вопль
нашего повара. Все мгновенно, как воробьи, летим
прочь от стола. На стол, с грохотом, давя нашу алюми
ниевую посуду, посыпались сверху камни. Как оказа
лось, одна из лошадей в поисках пищи забралась над

нашими головами на скалу и пустила на нас весь этот каменный дождь. Однако все кончилось благополучно.

Всем роздали айспикели, ледорубы, специальные горные кирки, кошки на ноги и по 20 метров горной веревки.

19/VIII

Вчера ушла группа Горбунова, сегодня выступаем и мы вверх, в горы. Начинается самая серьезная часть дороги. Карт нет, проводников нет, носильщики боятся итти вверх. Продовольствие — консервы и баранина. Топливо — спирт и керосин. Что-то встретим дальше? Никто никогда здесь не бывал. Мы уже вступили в знаменитое белое пятно. Нам известны только реки Бартанг, Ванч и Язгулем на юге, Мук-су на севере от нее. Надеваем тяжелые, горные ботинки с подошвами, сплошь утыканными острыми треугольными зубьями гвоздей, поверх которых в ледниках одеваются в нужных случаях кошки, огромные шипы в полпальца длиною, по восьми штук на каждую ногу. Сейчас они болтаются за спиной, прицепленые к рюкзакам. Выступаем в специальных костюмах от ветра, с аспикелями в руках, со связкой веревок на плечах, в темных желто-зеленых очках, защищающих глаза от ослепительного высокогорного солнца. Сзади носильщики таджики с корзинами, начиненными всяким экспедиционным имуществом. Сначала идем по осыпи, по берегу реки. Непрестанно, то спускаемся вниз к реке, то поднимаемся высоко в горы. Подошли вплотную к ледяной стене ледника, река исчезает под ним. Что это?

Начало Танымаса! Одеваем кошки, рубим своими ледорубами ступени и, подтягивая веревками носильщиков, лезем вверх на склоны ледника. Часа через полтора влезаем на его поверхность. Типичный игольчатый ледник. Вся его поверхность — скопление огромных сияющих на солнце ледяных конусов. Конусы эти, загораживая дорогу, высятся кругом перед нашими глазами. Между ними надо пробираться по без того трудному пути, пути, который осложняют трещины и провалы с обилием всевозможных рытвин, заполненных водою от тающих на солнце льдов. Где-то под нами в неизвестной глубине ревет река. С трудом пробираемся дальше. Солнце клонится к западу. Пересекаем ледник, выходим на морену. Опять перед нашими глазами заблестел Танымас. Оказывается, он просто скрывался под ледником. Это уже открытие. Ученые раньше предполагали, что Танымас вытекает из только что пройденного нами ледника.

Дальше снова ледник, такой же путь по хаосу ледяных игл. Сгущаются сумерки. Продвигаться вперед становится еще более трудно.

Вот под нашими ногами начинает подмерзать вода. Неужели придется заночевать на льду! Пересиливаем и этот ледник, идем дальше по Танымасу. Наверно уже высоко. Танымас бежит между ледяными, повидимому, никогда не тающими берегами. Холодно. Река делает неожиданный поворот, мы выходим на широкую долину, раскинувшуюся между высокими горами. Солнце село. Освещены лишь мощные вершины, покрытые вечными снегами. Кругом на-

висли ледники, пылающие последними отблесками солнца. Мрачная красота. Жуткая картина. Все холоднее. В стороне бежит с шумом десятка курьерских поездов Танымас. Высота 4.200 метров. Это место лагеря № 2.

Ставим палатки, кипятим чай, ужинаем, наконец, тяжелый сон, под аккомпанемент снежных комочков об полотно палатки.

20/VIII

Целый день шел мелкий снежок, берега реки еще больше обросли льдом. Альпинисты ушли на разведку перевалов. Сидим в лагере лишь я, Толчан, Елена Федоровна и доктор Россельс. Толчан стряпает обед, Россельс играет на мандолине. К ночи разыгралась буря. Пошел сильный снег. Беспокоимся за отсутствующих.

21/VIII

Почти всю ночь не спали. Холод, страшный ветер. К утру тихая, ясная погода. Вернулись с разведки Шмидт, Крыленко, Дорофеев. Окончательно установлено, что выше по течению Танымаса, километров через десять, последний кончается горным озером. С юга на север тянется огромный ледник, низовья которого родят реку Мук-су. Этот ледник известен под названием ледника Федченко. По ту сторону его должны быть перевалы на Ванч и Язгулем или еще куда-нибудь. Проходим ли он — неизвестно. Шмидт, Крыленко дошли до одного из этих перевалов куда-то.

Увидали спускающийся вниз ледник и вытекающую и него реку.

С обеих сторон ледника Федченко простирают горные хребты, изрезанные рядом ледников, впада щих в Федченко. Все что было начертано на стар картах — брехня, абсурд, не соответствующий дейст тельности.

22/VIII

Всей группой с немцами отправились на ледн № 4, висевший над нашим лагерем по ту сторону р ки. Через реку перебрались по канату, вещи перепр вили таким же путем. Увязавшегося за нами Гар пришлось, обвязав веревкой, перетащить через вод причем бедного пса чуть не убило о камни. Обследов ли ледник, произвели ряд интереснейших с'емок. К в черу вернулись немецкие альпинисты, кроме Вин и Борхерса. Они также видели перевал, но спустить с него не могли.

23 VIII

Вся группа должна бы собраться на третий ден Сегодня пятый день, как нет Винна и Борхерса, ушед ших на разведку перевалов. Если еще через день он не явятся, то пойдем на розыски. Устроили совет. Ре шили, что группа Крыленко пойдет в северную част ледника Федченко и попытается через перевал спу ститься вниз. Если это окажется Ванч или какая-ни будь другая река, то с нее предположено забраться н Язгулем, подняться к его верховьям и там соединить ся с группой Горбунова.

В группе Крыленко пойдут Елена Федоровна, Россельс и Дорофеев. Они ушли рано утром. Днем я со Шмидтом ходил на разведку ледника Федченко, медлено бродил по льдам. Я выбирал место для с'емки. Вся масса ледника иссечена огромными трещинами, между которыми высятся ледяные пики в несколько метров высоты. Когда мы перескакивали одну из трещин, где-то в глубине со страшным гулом обрушился лед. Мы долго прислушивались к несмолкаемому грохоту. При разведке нашли огромную ледяную пещеру, повидимому, бывшее русло реки. Длина пещеры 25—30 метров. Когда вошли в глубину, вдали увидали свет. Решили пролезть насквозь. Сбоку где-то гудит река над гладким ледяным сводом, сияющим во мраке и уходящим куда-то вдаль. Скоро свод спустился ниже и мы лезли на четвереньках. Кругом тьма. Вдали только мерцает свет. Ледяная, гладкая поверхность превратилась вдруг в крутой скат. Пришлось айспикелем вырубать ступени. Еще немного и мы вылезли на камни, а дальше из узкой щели на поверхность ледника. Мы попали прямо на середину ледника № 3. Мы еще эту пещеру заснимем. К вечеру вернулись в лагерь. Винна и Борхерса еще нет. За них сильно беспокоимся: не погибли ли? Сегодня шестой день. У них продовольствия на три дня.

24/VIII

Шмидт, Альвейн и Шнейдер ушли на разыски пропавших. На всякий случай взяли револьвер. Вдруг таинственное племя действительно существует и наши

спутники взяты в плен. Сегодня произвели с'емку ледяной пещеры. Вечером вернулась спасательная экспедиция вместе с пропавшими. Их встретили уже недалеко от лагеря в совершенно беспомощном состоянии. Лицо Винна все в язвах от солнечных ожогов, вместо носа бесформенная картошка, вся в крови. Борхерс без посторонней помощи итти не может. Он весь изранен. Оказывается, они также обнаружили перевал, повидимому тот самый, о котором говорил Крыленко. Они пытались с него спуститься. Спустились до реки и пошли по течению. На другой стороне увидали какой-то кишлак. Продовольствия не было. Попытались переправиться через реку и тут-то их постигла катастрофа. Борхерса снесло водой и сильно изранило о камни. Некоторые раны на его теле были в ладонь длиной и по крайней мере в полпальца глубиной. Пострадавших перевязали, накормили, уложили. Как доказательство, они принесли с собою маленькое зеленое яблочко, сорванное с дикой яблони внизу у реки.

25/VIII

Борхерс все еще плох. Лежит стонет. Все немцы, Шмидт и мы — киношники — собираемся уходить к верховьям ледника Федченко. Сегодня последняя ночевка в лагере. С завтрашнего дня кругом будет только снег и лед. Попытаемся пробраться к верховью ледника. Может быть встретим там Горбунова, если он успеет туда добраться. Может быть на наше счастье натолкнемся на неизвестное племя.

16/VII

Выступаем в пять утра. Борхерса, под присмотром коменданта лагеря Луса, в очень неважном состоянии оставляем в лагере. С нашей группой восемь носильщиков. Страшно обременяет нас тяжелая Аскания. Одну ее несут трое носильщиков (вместе с штативом и кассетами). На один же Септ и Кинамо рассчитывать нельзя. Пошли вверх по Танымасу. Ущелье все уже и уже. Опираясь на айспикели, идем краем осыпи. Через пару часов достигаем Танымасского озера. Озеро удивительно живописно раскинулось посредине льдов, само тоже покрыто толстым слоем льда. В озере, как в зеркале, отражаются окружающие его ледяные вершины. Прямо над озером высится огромная ледяная стена, поверхность которой сливается с ледником Федченко. Лезем на эту стену. Первым рубит ступени немец Шнейдер, прекрасный альпинист. За ним, помогая носильщикам, идут остальные. Поднимаемся на поверхность ледника. Идем, торопимся, стараемся пройти как можно больше, пока еще не очень греет солнце и пока еще не начали таять льды. Идем по чистому ледяному полю. Среди этой части ледника нет высоких пиков. Вся поверхность покрыта острыми, местами в полметра высотой, ледяными иглами. Между ними провалы и трещинки, заполненные водой. Чуточку не доглядел, по колено провалишься в воду. Итти становится довольно трудно. Начали попадаться крупные трещины. Эти уж покрыты зачастую слоем снега и представляют собою чрезвычайно серьезную опасность. Если провалишься в такую трещину — не

выбраться. Глубина их огромна. Наши ученые говорят, что лед в этом месте толщиной не меньше километра. Правда, глаза стали быстро примечать эти предательские трещины. Характерно, что покрывающий их снег слегка розоватого цвета — результат действия каких-то бактерий. Благодаря этому, мы могли во-время замечать трещины, ощупывать их остриями своих айспикелей и открывать возможные для прохода места.

Одна из таких замаскированных трещин сыграла все же нехорошую шутку с Толчаном. Дело было так. Сделали привал. Предвкушая отдых, Толчан снял со спины мешок и бросил его на снег, выбрал подходящий, как ему показалось, ледяной бугор, сел на него и... по пояс провалился в воду. К счастью, его во-время успели схватить за руки, а то могли бы остаться без оператора. Переодеться было не во что. Пришлось Толчану сушиться по пути, на солнышке.

Вышли на середину ледника. Перед нами раскинулась изумительная картина. Со всех сторон, куда только глаз видит, колоссальная белая покатость, замкнутая со всех сторон огромными белоснежными вершинами. К югу, постепенно поднимаясь, ледник упирается в горный цирк, образующий его верховья. К северу мощный ледник уходит куда-то вдаль, постепенно понижаясь и скрываясь за горными хребтами. Вдали, в дымке, высится на горизонте белым огромным горбом пик Гармо. Левее, чуть ближе, похожие на две стоящие рядом сахарные головы, доселе неизвестные пики. Прямо на запад между горами предполагаемый

перевал Кашал-аяк. О группе Крыленко никаких сведений. Вероятно им удалось спуститься через этот самый Кашал-аяк. Перепрыгивая через узкие трещины, обходя широкие, идем вверх по леднику. Солнце высоко. Печет. Вся поверхность ледника покрыта журчащими ручейками. Временами натыкаемся на такие трещины, из которых несется гул, пробивающийся где-то в глубине реки. Через них перебираемся с большой осторожностью, чтобы избежать возможных провалов. Солнце перешло уже на левую сторону. От гор поползли длинные тени, стало заметно холоднее. Наши носильщики здорово устали. Все чаще и чаще стали садиться на лед. Некоторые едят снег, пытаясь утолить жажду. Итти очень тяжело. Скоро ли лагерь?!

Как и носильщики, мы все чаще останавливаемся. Идем уже двенадцать часов под ряд. Высота 4.700 метров над уровнем моря. Дышать трудно. Носом дышать невозможно — нехватает воздуха. Горло пересыхает, склеивается. Глотки слюны или снега не облегчают, а, наоборот, причиняют боль, разрывая слизистые оболочки гортани. Где же остановка? Сил нет! А тут еще надо вести путевые с'емки. Взяли себе за правило: иду сто шагов, потом отдыхаю, садясь на айспикель. Через пять остановок сажусь на снег. Носильщики остались где-то сзади. Они совершенно измучены, едва плетутся, часто падают в изнеможении на снег. Еще час ходу, еще под'ем. Немцы со Шмидтом ушли вперед. Идем по их следам. След сворачивает вправо к подножию гор, значит близко ночевка. Идем уже по десять шагов. Через каждые два таких

перехода садимся на снег. Еще час. Добрались до подножия гор. Здесь немцы и Шмидт. Сил никаких нет, а до прихода носильщиков надо сделать каменное ложе, на котором надо разбить горные палатки. Палатки наши, расставляющиеся на айспикеля, изготовлены в виде мешка из тончайшего прорезиненного шелка. Тепло в них не будет, а от ветра и снега сохраняют. Сегодня шли 14 часов. Высота 4.800 метров. Приходят носильщики, ставим палатку, пьем какао, раскупориваем консервы. Скорее есть и спать.

27/VIII

Ночь почти не спали. С гор все время сыпались камни, не раз попадая и в палатку. Страшно холодно, дышать трудно. Пока готовится утренний чай, снимаем лагерь. По нашей просьбе Шмидт совершает утренний туалет. Моется в проруби. Конечно мытье только для кино, и он ни в коем случае не стал бы умываться так попросту — здорово холодно. Двое носильщиков отказались итти дальше, сославшись на «тутек». Пришлось отправить их обратно. Свертываем лагерь. Идем дальше. То же, что и вчера, только хуже. Не прошли и пяти километров, как носильщики валятся на снег лицом вниз и скулят. Наш проводник Садыр кричит мне:

— Расстреляйте меня, я больше не могу! У меня все болит: голова, плечи, я брошу половину груза.

Подхожу к нему вплотную, беру за шиворот:

— Бросай свою шинель и спальный мешок, неси один аппарат. За вещами после вернешься.

Бедный Садыр смотрит на меня собачьими глазами, полными слез. Он знает, что ослушаться нельзя, он знает, что в случае отказа я его прогоню, не дав продовольствия. До лагеря два дня пути и без еды не добраться. Таков закон пустыни. Приходится так зверствовать, зная, что если спустить Садыру, то немедленно побросают свой груз и остальные носильщики, тогда хоть пропадай во льдах. Обещаю носильщикам двойную плату — помогает мало, они совершенно измучены. Ползем дальше. Толчан часто спотыкается и падает. Он почти ничего не соображает, у него раскалывается от боли голова, носом идет кровь. Итти нет сил. Шаг за шагом, ежеминутно останавливаясь, приближаемся к намеченной на сегодня цели, к верховьям ледника Федченко. Еще усилие, еще. До места лагеря каких-нибудь 50—60 метров. И чтоб преодолеть это расстояние, тратим чуть ли не час. Снова устраиваем место для палаток. В сумерках, кое как поев, стараемся уснуть. Напяливаем на себя все, что есть, залезаем в спальные мешки. Горные ботинки прячем под головы. Завязываемся на все застежки. Спать нельзя, задыхаемся. Контрасты температуры поразительные. Днем на солнце было плюс 40°, ночью — минус 20°. Колебание в 60°. Крепко!

28 VIII

Встали в четыре утра. Еще темно. Ботинки замерзли, одеть нельзя. Приходится разогревать их над спиртовкой. Теплая одежда не согревает. Трясемся, как овечий хвост. Холод проникает до костей. Немцы со

Шмидтом лезут на один из самых дальних пиков. Болит все лицо и шея. Особенно правое ухо. Это я вчера обжег на солнце во время перехода. Сейчас оно распухло, дотронуться больно. Вышли с аппаратом к месту с'емки. Шли часа полтора вверх по леднику. Выбрали место, приладили телеоб'ектив. Солнце поднимается. Становится тепло. Прямо перед нами громада безымянных пиков. День тому назад никому неизвестных, не существовавших ни на одной карте и теперь открытых нашей экспедицией. Предложено было крупнейший в этой части назвать пиком Фикера, в честь известного немецкого ученого, одного из организаторов нашей экспедиции. Приготовились к с'емке. Вот показались ползущие по снежному скату черные фигуры альпинистов. Шесть часов продолжалось восхождение. Кадр за кадром снимаем путь наших альпинистов. Оставив Толчана внизу, лезу с Септом на соседний склон. Лезу долго и упорно, останавливаясь каждые пять шагов отдыхать. Пришлось лезть в лоб по краю обрывавшегося вниз ледника. Снял несколько кадров. Поднимался четыре часа, спустился в полчаса. Высота 5.500 метров. Вот наверху вспыхнул факел — это альпинисты достигли вершины. Больше нам делать нечего, можно возвращаться в лагерь. Это очень кстати, так как скоро, повидимому, начнется снежная буря. Если нас захватит с аппаратом — будет совсем плохо. Както доберутся наши альпинисты. Направились к лагерю. Где-то с грохотом сорвалась лавина. Носильщики бегут, чуют, что надо торопиться. Солнце исчезает в дымке. Холодно. В лагере, продрогшие, с'едаем по

банке замороженных консервов, вырубая их из банки ножами. Даем носильщикам по две галеты и по куску баранины. Лезем в палатку. С продовольствием плохо. Чай не пьем, надо экономить спирт. Вечером приходят альпинисты, скорее по палаткам. Буря прошла стороной. Стало тихо, но холодно. Холод совершенно невозможный. Лежим в спальных мешках, согреться не можем. Согрели все же внутри палатки по чашке чая на спиртовке.

Вылезаю из палатки, совещаюсь со Шмидтом. Продовольствия и топлива всем нехватит. Надо что-то предпринимать. Решаем: немцы и Шмидт с одним носильщиком, со всем продовольствием и топливом останутся здесь на некоторое время и попытаются спуститься и перевалить вниз. Я с Толчаном и Садыром и остальные носильщики уходим на Танымас. Нас это устраивает. Все, что надо было мы засняли, нам больше делать нечего. Таинственный Танымасский перевал также успешно заснят.

10/VIII

Встали до солнца. С'ели без чая по галете, пускаемся в путь. Вниз на ледники итти гораздо легче. Идем весь день, сделав только два привала. Солнце описало круг и стало склоняться к западу. Подходим к концу ледника. Привал пять минут. С'ели по галете и дальше. Солнце село, взошла луна, огромная и полная, залившая все кругом призрачным синим светом. Уже не чуем под собою ног от усталости, автоматически прыгаем с камня на камень, добираемся, наконец, до лаге-

ря. Нас встречает мрачный от тоски и одиночества комендант-пограничник Лус.

Мы в один прием прошли за сегодняшний день 30 километров по ледникам, на высоте до 5.000 метров. Это «чудо» совершили мороз и голод. В лагере по-старому также никого нет, кроме больного Борхерса.

31/VIII

Ломит все тело от совершенного нами перехода. Роздали носильщикам и Садыру награды. Страшно довольны. Я, Толчан и Лус сварили какао с молоком и пьем его вдоволь. Сидим в кухонной палатке, поедаем немецкие галеты с медом и холодную баранину. Шумит примус, горит лампа. На «улице» снег, нам тепло и уютно. Много ли человеку надо, чтобы быть счастливым!

1/IX

Со сном делается что-то совершенно неладное. Вероятно, влияет высота. Которую ночь сплю только урывками. Ворочаюсь в спальном мешке. Действительно забрались мы чорт знает куда. В обычных условиях 3.000 метров считаются уже предельной высотой пассажирского самолета, а нам приходится разбивать лагеря на высоте свыше 5.000 метров.

Сегодня ночью было особенно тяжело. Вместо нормальной одной облатки снотворного, немецкого средства бромураль, которое мы принимаем на ночь, принял четыре и все же без сна проворочался всю ночь с бока на бок, изредка впадая в дремоту на короткое

время. Просыпаясь, слышу кругом из всех палаток стоны и тяжкие вздохи. Стонет разбившийся Борхерс, стонет больной сердцем Лус, стонет вполне здоровый Толчан, стонут носильщики-таджики и киргиз повар. Все стонут на разные голоса. Вот концерт! Холодно. Лезу с головой в мешок, дышать нечем, высовываю голову — уши и нос мерзнут. Складываюсь чуть ли не вдвое, стараюсь заснуть, а если не удастся, то хоть задремать. А мне мерещатся какие-то дурацкие кошмары.

2 IX

Группа Крыленко еще не возвращалась. Им в догонку послали продовольствие с носильщиками. Однако же они дошли до перевала и вернулись обратно. Значит группа Крыленко спустилась вниз. О Горбунове также ничего не слышно. Шмидт с немцами вернулись. Мы с Толчаном целый день снимали на ледниках.

3 IX

Мы снимаем не какую попало хронику, а полнометражную спортивно-этнографическую картину. Она должна быть интересно выполнена, а главное максимально художественна. Для этого наряду с общими планами восхождения, которые мы с протокольной точностью снимаем при помощи нашего телеоб'ектива, мы должны заснять еще ряд монтажных кусков: деталей восхождения, видов сверху и т. д. Все это упирается в добрую сотню трудностей. Надо, чтобы погода была хорошая, а солнце находилось бы в опреде-

ленной точке, чтобы аппарат был установлен в надлежащем месте, а альпинисты шли бы там, где это удобно для с'емки и т. д., и т. п. Для выполнения этих условностей пришлось преодолеть не мало работы, все учесть, все предусмотреть и надлежащим образом обставить. В погоне за с'емкой ряда монтажных кусков и видов сверху я решил, взяв с собою пограничника войск ГПУ, коменданта нашего лагеря тов. Луса, Садыра и двух носильщиков таджиков и попытаться взойти с ними на безымянную, никогда не посещенную никем горную вершину, поднимавшуюся на высоту 6.000 метров по ту сторону реки Танымас, как раз против нашего лагеря. Как правило, все альпинистские восхождения начинаются с рассветом или даже до него, а к заходу солнца участники уже снова внизу, в лагере. Нам же пришлось наше восхождение начать лишь в 12 час. дня, т. е. тогда, когда солнце было в наиболее выгодной для нас точке небосклона. Оставив внизу на ледниках Толчана с большим аппаратом, мы сравнительно легко прошли ледники, прошли морену, поднялись вверх через полосу каменной осыпи и, наконец, добрались до снегов. Сначала снег был довольно плотный, но мягкий и мы подымались без всяких затруднений. Вскоре он стал твердым, почти льдом. Пришлось надеть кошки и брать ледяную поверхность прямо в лоб. Скоро пришлось связаться веревками и тут же выяснилось, что один из наших таджиков, несмотря на предупреждение, поленился взять с собою кошки, чем страшно затруднил себе передвижение. Вообще-то говоря, по ледникам нельзя совер-

шенно ходить без кошек. Можно легко поскользнуться и увлечь за собою ни весть куда всех остальных. Спускаться уже нет смысла, лезем дальше. Под'ем на склоне делается все круче и круче. Кошки уже не держат, лед очень крепок и крут. Айспикелями рубим ступени. Носильщик Мамет, не взявший кошек, все время скользит и вот-вот сорвется, чтоб ему не ладно было! Толчан — маленькой точкой внизу. Он снимает телеоб'ективом, а я сверху снимаю Кинамо. Поползли дальше. Пробрались через ряд трещин. Гора, казавшаяся отлогой издали, на самом деле оказалась крутой, чуть ли не отвесной. Вершина ее целиком покрыта ледяной корой. Лезли, распластавшись, как лягушки, лежа на животе, цепляясь руками и ногами и айспикелем. Наконец, после долгих мучений достигли первой вершины, несколько минут отдыхаем и совещаемся: лезть дальше или спуститься вниз. Лус благоразумно предлагает второе, я протестую. До второй вершины осталось пустяки, каких-нибудь 300—400 метров. Идем дальше, вырубая ступени. Полпути ползем. Лус, пожалуй, был прав. Итти очень трудно. Слева отвесный обрыв, над ним петушиным гребнем навис снежный нанос, справа — обледенелые края. Скат спускается вниз под углом 45°. Сорвешься — никакая сила тебя не удержит. Идем по стыку снежного наноса с ледяной покатостью. До последней вершины остается каких-нибудь 80 метров. Снежный нанос на гребне становится все уже и уже. Чувствую, что дальше итти нельзя, может случиться катастрофа. Я иду первым, за мною Садыр и таджик, последним Лус.

Ледники.

Ногами, вооруженными кошками, крепко зацепляемся за снег. Всем корпусом левой стороны лежим на покатости горы. Внизу бездна.

Кричу Лусу:

— Поворачивайся кругом, идем вниз. Идем обратно.

— Не могу, едва держусь!

Действительно, я оказался неважным проводником и не слишком много оглядывался назад. Смотрю на моих спутников, едва цепляются. Особенно таджики. Эти, хотя они и горные жители, совершенно беспомощны, чуть не плачут. Предложить им вернуться — все равно, что толкнуть вниз. В особенности Мамета — он без кошек.

Вверх итти невозможно, вернуться назад также. Надо найти выход из положения. Сообразил, что если даже и удастся повернуть, все равно вниз спуститься невозможно из-за крутизны. Карабкаться по ступеням одно дело, спускаться же много сложнее. Ищу выхода. Думаю.

— Держись крепче. Если сорвусь, держи веревку.

Быстро лезу вверх на самый снежный гребень. Расчет простой: либо гребень выдержит меня и я по нему заберусь на вершину и вытяну остальных, либо он не выдержит и я вместе с ним сорвусь в пропасть по другую сторону. Альпийская веревка крепка, она не разорвется. Я превращаюсь, таким образом, в живой якорь для моих спутников. Мне придется удерживать их в случае, если они заскользят по скату с правой стороны. Думаю все же, что как-нибудь доберутся до вер-

шины. Не без некоторого трепета влезаю на гребень, пробую его крепость. Меня он выдерживает. С левой стороны гребня, под навесом идет что-то вроде ледяного балкончика. Перелезаю на него — выдерживает. Втыкаю в снег по ручку мой айспикель, начинаю тянуть веревку. Постепенно на гребне появляются Садыр, таджик и, наконец, Лус, который отдувается, как лихая кавалерийская лошадь. Водружается верхом на гребень.

Осторожно по гребню иду вверх и достигаю вершины. Втаскиваю Садыра и трепещущих таджиков. Начинаем тянуть Луса. У бедняги начинает шалить сердце, порядочная высота дает себя чувствовать. Ему неожиданно становится плохо. Нужна передышка. Но оставаться на гребне опасно. Подтягиваем его вверх. Лус, сидя на гребне подпрыгивал, как в седле, когда мы его втаскивали на веревке на вершину.

На вершине площадка, с которой буйный ветер Памира сдул ледяную поверхность и оголил черные скалы. В изнеможении, накинув веревки на камни, садимся и отдыхаем. Вспоминаю, что у меня в спинном мешке есть лепешки и консервы, ведь с утра мы ничего не ели. Снимаю мешок, развязываю, предвкушая еду, оглядываюсь и... ужас: солнце близко к закату. Мы так увлеклись восхождением, что совершенно забыли о времени. Тут уж не до еды. Мгновенно все на ногах. Скорее вниз. Оставаться на ночь в горах — погибнуть, а погибнуть ясно никому не хотелось. Военный совет: куда итти? Путь, по которому мы взошли — невозможен, надо искать другой. Мы лезли по

северной стороне — обледенелой, — попробуем с южной стороны, по каменной осыпи. Быстро перестраиваемся: первый я, второй Лус, третий Садыр, два последних — таджики. Спускаемся вниз, и сразу попадаем на крутую, каменную осыпь. Вниз спускаться много быстрее, чем подниматься. Особенно здесь. Прямо становишься на осыпь, отталкиваешься концом айспикеля о камни и под тобою едет вся осыпь, а с ней вместе, как на фуникулере, спускаешься вниз и ты. Только внимательно смотри, чтобы никто не сорвался.

Скоро осыпь стала сменяться крутым склоном, покрытым острыми скалами, пересеченными обрывами и провалами. Солнце село. Начало смеркаться. Пришлось сесть на землю и сидя осторожно цепляясь за камни, спускаться. Пока еще было светло было ничего, но вот наступила тьма, хоть глаза выколи. Луны нет. Холодно. Что делать! Оставаться нельзя, надо как можно скорее спуститься вниз.

Из-под ног Луса сыпятся дождем камни. Стукаются о мою голову и спину. Я, конечно, понимаю, что Лус не виноват и сделать ничего не может, камни срываются сами, но я не могу вытерпеть. От боли и злости и чувства окружающей опасности, крою бедного Луса самым отборным матом. Лусу обидно, ведь на него сыпятся также камни из-под Садыра, поэтому он всеми известными ему киргизскими ругательствами рушится на голову Садыра. Не остается в долгу и Садыр. Он ругается уже по-таджикски на носильщиков, те же также хотят сорвать злобу и, за отсутствием надлежа-

щих человеческих об'ектов, чистят на своем языке горы, небо, снег, и даже своих предков до десятого колена. Так под аккомпанемет ругани лезем вниз.

Приемы передвижения изменились в корне. В то время как все стоят и поддерживают веревку, я еду вперед вниз на расстояние, позволяемое веревкой. Благополучно спускаюсь на землю, при этом хорошенько укрепляюсь. За мною, постепенно, один за другим падают остальные. Если же я не достиг земли и болтаюсь в воздухе — это плохо. Меня вытягивают обратно, и я ищу другой путь. Способ, что и говорить, не особенно приятный. Руки уже изодраны в кровь, все тело побито. Несмотря на это, мы все же значительно спустились вниз. Моментами, когда ветер дует в нашу сторону, как будто слышится даже шум Танымаса. Что такое? Где-то вдали внизу вспыхнул ослепительный свет. Понимаем. Это в лагере зажигают магниевые факелы и указывают нам дорогу. Вероятно здорово беспокоятся. Ползем дальше вниз. На пути встречается узкая ледяная полоса — ледничек. Другого пути нет. Мы должны его пересечь. Посредине ледничка маленький островок из осыпи. Надеваем кошки, перелезаем на островок. Я и Лус укрепляемся:

— Садыр, держись крепче.

— Якши (хорошо).

Получилось, однако, не совсем хорошо. На полдороге сорвался и, как-то нелепо взмахнув руками, кубарем покатился вниз, стукаясь лицом о лед.

— Лус, крепче! — Веревка натягивается струной. Рывок. Удержались. Садыра с бледным, окрававлен-

ным лицом подтягиваем к себе. Его айспикель улетел куда-то вниз. За Садыром лезут уже более благополучно таджики. Весь островок целиком занят нами. Надо скорее перебраться дальше, а то, чего доброго, вся осыпь под нами поедет вниз по скату. Таджики окончательно перепугались. Они вцепляются один в Луса, другой в Садыра, обхватив их, как обезьяны, руками и ногами. Вот, вот все сорвутся вниз. Ругаюсь до хрипоты, отрываю от Луса, ничего не помогает. Замахиваюсь айспикелем:

— Отпусти, а то убью!!! Садыр энергично переводит, добавляет что-то от себя. Кое как отрываем таджиков, продолжаем путешествие. Все перебрались благополучно. Лишь последний Мамет понес еще одно наказание за отсутствие кошек. В самом начале ската сорвался и, так как его его веревка поддерживала с одной стороны, он сразмаха, описывая огромную дугу, откинулся всем телом в острые камни осыпи под нашими ногами. Еще несколько часов упорного пути, еще десяток падений и мы на леднике. Теперь пустяки, кстати взошла луна. Шпарим по леднику вниз, как по шоссе. Что теперь трещины и провалы — детские игрушки. Падаем, поднимаемся, снова падаем и снова идем. Вот конец ледника. Спускаемся по призрачной ледяной лестнице, по крутым залитым лунным светом ледяным ступеням, пересекаем морену, переходим через замерзший ручей. Мороз, а мы мокрые от жары. Пробиваем айспикелем ледяную кору ручья и жадно пьем воду. В двух километрах от нас, за Танымасом, тревожно сияют факелы. Нам нечем дать знать о своем возвра-

щении, а кричать бесполезно, река все заглушает. Быстро подходим к берегу реки. Новое удовольствие. Надо переходить вброд, по пояс в воде, бурную горную реку, с ревом несущую свои воды между ледяными берегами. На том берегу появляется какая-то фигура, кто-то кричит по-немецки, очевидно указывает путь. Кое как перебираемся. Оказывается это одна из спасательных экспедиций, высланных по приказу начальника лагеря Отто Юльевича Шмидта на розыски нас. Сам Отто Юльевич с группой ушел по другому пути искать нас в горах. Мчимся в лагерь. Уже первый час ночи. Переодеваемся, жадно едим, налетев на ужин, как волки. Теперь мы уже зажигаем факелы и стреляем из ружей для того, чтобы вернуть спасательную группу. В ответ где-то вдали вспыхивает факел. Наши сигналы заметили и возвращаются. Проходит час, появляются Шмидт и остальные, вместе с теплой одеждой и продовольствием для нас. Что такое? Левый глаз Отто Юльевича превратился в сплошной кровоподтек. Оказывается спасатели пострадали больше чем те, кого отправились спасать. Милейшему Отто Юльевичу не посчастливилось. Перескакивая через горный поток, он на что-то наткнулся лицом и сильно расшиб глаз. К счастью зрение не пострадало.

Рассказываю о наших похождениях Отто Юльевичу. Он обещает завтра сильно выругать, сегодня же, по случаю счастливого возвращения «альпинистов», то бишь нас, раздает по усиленной порции шоколада. Спохватываюсь, где Толчан! Оказывается этот «гад» уже давно дрыхнет в палатке. Не дождавшись нас, он

вынужден был бросить всю аппаратуру на леднике и поперетъ один в лагерь. Хорошо, что успел за-светло вернуться.

1/IX

С'емка открытого экспедицией перевала Кашал-аяк, ведущего на Ванг.

Снова с рассвета и до заката идем длинной вереницей на ледник Федченко. На этот раз уже не на юг, а на север. С нами немцы Финстервальдер и Бирзак. Шмидт, Шнейдер, Винн, Альвейн ушли еще вчера. Они будут пытаться найти подступы к пику Гармо. Уже в сумерках подходим к так называемому северному лагерю на леднике Федченко. Пять палаток установлено на морене среди льдов. В лагере нет ни души. На одной из палаток записка Шмидта мне. Вернусь завтра, пошли с немцами на Гармо.

Поужинали, легли спать. Несмотря на грохот раздираемых где-то в глубине под нами мощными силами природы пластов льда, спали, как убитые.

1/IX

Вернулся Шмидт с немцами. Разведка показала, что пик Гармо недоступен. Целый день работали на ледниках. Во время с'емки перехода через ледяной мостик чуть не случилось несчастье. Последний из переходивших сорвался в трещину. Второй, шедший перед ним, неожиданно, силой толчка был сшиблен с ног и протащился по ледяной поверхности до самого края трещины. Лишь последний — доктор Альвейн, опытный

старый альпинист, ухитрился во время воткнуть ай-спикель и, прикрепив к нему веревку, предотвратил дальнейшее падение.

Больше полчаса пришлось потратить на вытаскивание человека из трещины. Виновник торжества оказался под толстым ледяным сводом. Все хорошо, что хорошо кончается. На этот раз все кончилось благополучно. Провалившийся даже не пострадал. Кино-аппарату удалось запечатлеть на пленку все это происшествие.

9/IX

Третий день стоим на северном лагере. Кругом снеговые горы и лед без конца и краю, уходящий во все стороны за горизонт. Наш лагерь расположен на островке морены. Эта морена — узкая полоса камней, в беспорядке насыпанных на поверхности ледника. Действительно создается впечатление, что наши палатки стоят как бы на острове среди белоснежного моря ледников.

Горы днем залиты солнечным светом. Шумят, бегут ручьи, срываясь с гулом в бездонные трещины. Сыплятся и обрываются с ледников каменные скалы, подтаявшие на солнце. Ветер треплет палатки. Сияет ослепительно лед. Особенно красиво ночью, когда луна заливает все своим мертвящим светом. Лагерь становится абсолютно тихим. Лунная пустыня заживает совсем другой жизнью. Все замерзает, реки покрываются льдом и промерзают до дна. Водопады, падающие в трещины, замерзают, свисая гроздьями ледяных сосу-

лек. Камни превращаются в каких-то немых чудовищ. На небе мерцают мириады звезд. Млечный путь пересекает небо широким серебряным поясом. В лагере тихо. Все пытаются уснуть. Я не могу спать, несмотря на огромную дозу бромурала. Лежу и слышу, как непрерывно подо мною внизу все ухает, стонет, оседает. Со скрежетом и грохотом лопаются мертвые недра ледника. Невольно вздрагиваешь, когда вдруг под самой палаткой, где-то в глубине, сдавливаются многотонные пласты льда и чувствуется, как оседает палатка. Это все жутко, но сравнительно безопасно. Провалы слишком редки. Вообще трещины не появляются сразу, но невольно, инстинктивно вздрагиваешь, когда неожиданно под тобою что-то в глубине рушится. И сознание насколько беспомощен и ничтожен человек, дерзнувший забраться сюда, конечно гнетет отчасти.

Ни Крыленко, ни Горбунова нет. Больше ждать невозможно. Мы должны двигаться в базу нашего лагеря и свертываться. Неизвестно застанем ли кого в лагере № 1.

Сегодня снимали восхождение на одну из вершин, доминирующую над ледником Федченко. Двигаемся в базу № 2.

10/IX

— Ура!!!

Нас догнал Горбунов. Программа экспедиции выполнена на 100%. Оказывается группа Крыленко, спустившаяся через Кашал-аяк, вышла на Ванч и дошла до первых таджикских селений. При переправе

через Ванч чуть не погибло в воде несколько чело
вместе с Николаем Васильевичем. С Ванча группа
ревалила на Язгулем, поднялась вверх по нему в
исследованную область, встретилась с группой Гор
нова и уже вместе они, снова через Танымас, перева
ли на ледник Федченко, как раз около нашего юж
го лагеря. Теперь Горбунов догнал нас, а Крылен
и его группа, со Шмидтом и частью немцев, пош
вниз по леднику Федченко.

11/IX

Снимаемся в дорогу. Таджики совсем выдохли
Одного ведут под руки, по очереди, другого несут
руках. Он совершенно обессилел от тутека, отморо
ноги. Оставлять нельзя — погибнет. К вечеру в ба
№ 1. База уже свернулась, часть людей ушла.

Прощаюсь с ледниками. Как они осточертели!!! Г
тов дать клятву, что к тем из моих приятелей, у ко
есть дома хотя комнатный ледник, ни в коем случ
не пойду в гости. Двадцать восемь дней, проведен
среди ледников на высоте 4.500 — 5.000 метров и б
лее, что-нибудь да значат.

Прощай, ледники!!!

15/IX

Четвертый день, как раньше, верхом едем с Горб
новым по новому маршруту на озеро Ранг-куль. З
дача — охота на архаров. По дороге я, Толчан и по
граничник Фалеев ускакали вперед и остановились
реки Муз-кол поджидать остальных. Вдруг вдали по

казалась группа каких-то всадников. Пока мы завтракали, всадники приблизились. Это была толпа каких-то фантастических личностей. В валенках, в полушубках, некоторые в красноармейских шлемах. Все увешаны оружием, у большинства на лицах полотняные маски и зеленые стекла очков. С ними вместе несколько женщин тоже верхом и даже пара лошадей с привьюченными по бокам деревянными люльками, в которых качались ребята. Выяснилось, что незнакомцы — новый состав особого отдела Автономной Горно-Бадашханской области, который едет в Хорог на смену старому составу. Путь продолжали вместе. Разговорились. Они нас угощали папиросами, мы их шоколадом. Узнавали от них последние вести из культурного мира. Они нам сообщили о гибели экспедиции на северном полюсе, об исчезновении Амундсена и пр.

17/IX

Вчерашний вечер провели очень мило в палатке наших попутчиков. Нас угощали кофе, сыром и печеньем. Для нас это было большим лакомством. В шутку назвали ночевку «ночью в особом отделе». Вместе с особотдельцами шли полдня, затем свернули с общего пути влево и ушли на озеро Ранг-куль, к тому месту, куда заранее был выслан охотник Андреев, где под скалами, у входа в ущелье, уютно дымилась юрта.

22/IX

Прибыла наша походная радиостанция. Теперь будем иметь прямую связь даже с Москвой и Ленинградом. Сегодня снимали поимку огромной птицы вроде

кондора, белоголового сипа. Поймался сип оригинально: обожравшись падалью, запутался в петле.

Наши охотники рыщут по окрестным ущельям, отыскивая архаров. Охота на них страшно трудна. Звери эти невероятно чутки, да к тому же все время сидят высоко в горах, под самыми снегами. Задача нашей экспедиции чрезвычайно любопытна: надо убить нескольких архаров и доставить их в лагерь. В лагере предполагается осуществить довольно сложную операцию: семенем убитых архаров оплодотворить гиссарских овец, стадо которых было своевременно пригнано к месту нашей стоянки. Этим делом руководит по заданию Наркомзема Горбунов в развитие известных опытов профессора Иванова.

Задача кино заснять все эти процессы. Из заснятого материала сделать отдельную научную фильму.

Надо скорее кончать работу. Осень вступила в свои права. Часто идет снег. По ночам градусов 10 мороза.

29/IX

Опыты успешно проведены. Архары привезены. Операции совершены. Покончили со всевозможными работами. 27 выехали на Мургаб в догонку Горбунова, уже ушедшего по направлению Кара-куля.

2/X

Сегодня вышли в семь утра при 14° мороза. В один прием прошли сразу около 100 километров. К вечеру нагнали Горбунова и ночью вместе с ним достигли

Кара-куля. По дороге ночью чуть не искупались в озере. Собственно Горбунов искупался.

7/X

Ночь и весь день шел снег. Ночью было 16° мороза. Сегодня, чтобы проскочить «Долину Смерти» в самое тихое время, т. е. ночью, с началом темноты выступили. Наша задача пройти в один прием в Алайскую долину. С караваном сделать это не представляется возможным, но мы должны это сделать.

8/X

Вчера вышли в 8 вечера при полной темноте. Собирались при свете огромного костра, который разложили из ненужных ящиков и керосиновых остатков. Напялили на себя все, что было теплого. На ногах я соорудил себе «теплые буты» из войлочной кошмы. Быстро двинулись вперед и вскоре достигли перевала Уйбулак-бель. Все завалено снегом. Снег по колени лошадям. Никакой дороги нет, ориентируемся по очертанию гор. Тучи расступились, светит луна. Идем по мертвой, беззвучной пустыне. Никаких тропинок, никаких следов. Перешли закованную льдом реку; вступили в Маркан-су, «Долину Смерти». Мороз здорово дает себя чувствовать, приходится все чаще и чаще соскакивать с лошади и итти сбоку, чтобы не отморозить ноги. Настроение у всех неважное. Все молчат, все знают, что если сейчас поднимется снежная буря — это значит гибель, а буря здесь обычное явление. Что такое Маркан-су мы знаем по старым пере-

ходам, когда нас в июне хлестал снежный вихрь. Сейчас октябрь — по здешнему начало зимы. Страшно. Тишина. Неужели нас «Долина Смерти» пропустит. Повидимому, да. Ветра почти нет. Изредка только, как из сырого погреба, обдает нас ледяным дыханием из боковых горных ущелий. Это, повидимому, Маркан-су напоминает нам, что при желании он нас может заморозить. В эти моменты, лицо, не защищенное ни какими фуфайками и шарфами, страшно ломит от холода. Охотно соглашаешься с киргизами, которые очень удачно прозвали эту долину «Долиной Смерти». Еще несколько часов пути. От холода зуб на зуб не попадает. Подходим к подножию Заалайского хребта, карабкаемся вверх по обледенелой тропинке, еще и еще вверх, и мы, наконец, на вершине перевала Кизил-арт. Прощай, Памир!!! Больше, вероятно, не придется встретиться. Еще несколько часов, теперь уже спуск вниз. С рассветом мы в Бордабе. Связываем лошадей. Шатаясь от усталости, ложимся в изнеможении прямо на землю и засыпаем в ожидании сильно отставшего каравана. Три часа. Караван подошел. Снова на лошадей и дальше.

5/X

К вечеру мы пересекли Алайскую долину. Находимся на Саратыше, у подножия Алайского хребта.

7 X

Вчера, оставив караван на попечении Луса и Толчана, вышли с Горбуновым в Ош. Идем бешеным тем-

ном. Сегодня уже в Тульче. Какой контраст!!! Вчера еще снег и мороз, сегодня — едим дыни и спим в битком набитом сеновале.

8/X

Поздно вечером примчались в Ош. С места в карьер взяли за бока начальника местного ГПУ тов. Ерохина, заставили его истопить для нас баню исправдома. С болью оттираем друг друга мочалками. В предбаннике сидит корреспондент «Вечерней Москвы» и держит чуть ли не у себя под мышками брюки Горбунова. Он боится, что тот не даст ему интервью. Нас ждет ужин, а потом кровати с настоящими полотняными простынями. Какая роскошь!!!

Несколько дней сборов — и мы едем в Москву. Хорошо!!! Мы везем с собою восемь тысяч метров заснятого негативного материала. Из этого материала мы намерены сделать одну полнометражную и пять-шесть короткометражных. Сверяю запись с'емки с той схемой сценария, которую мы сделали, когда отправлялись в путешествие. План остался тот же, дополнился лишь деталями. Теперь осталось проявить, отпечатать и смонтировать пленку. После этого можно ехать в следующую экспедицию.

ПОДГОТОВКА И СНАРЯЖЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Ряд работ, проделанных кино-экспедициями, говорит за то, что без надлежащей подготовки невозможно достичь необходимого с'емочного эффекта. У советской кинематографии довольно значительный экспедиционный опыт. Были проведены экспедиции всех типов: и по Союзу, и за границей, и на севере, и в тропиках, и на аэропланах, и пешком. Сейчас необходимо опыт этих работ суммировать и изложить в виде некоторого практического руководства. Настоящей статье предшествует дневник автора, участника большой научной советско-германской высокогорной экспедиции в неисследованные области Памира. Этот дневник до известной степени может характеризовать те условия, в каких приходится находиться и работать участникам кино-экспедиции. Автор постарается далее осветить ряд основных вопросов подготовки и снаряжения кино-экспедиций.

В подготовке экспедиции есть три основных момента:

а) подбор людей;

б) подготовка материала;

в) снаряжение и снабжение экспедиции.

Все эти три момента необходимо проанализировать.

а) ПОДБОР ЛЮДЕЙ

Каким требованиям должен удовлетворять кино-работник, какой состав с'емочной группы может и должен отправляться на ту или иную с'емку?

Работником экспедиционной фильмы должен быть, конечно, безусловно квалифицированный и культурный кино-специалист: режиссер и оператор. В отличие от обыкновенного кино-работника участник экспедиции должен обладать хорошими физическими данными, быть до известной степени спортсменом, уметь ездить верхом, плавать, стрелять и т. д., отличаясь, кроме того, быстрым соображением, уменьем ориентироваться в любых условиях, настойчивостью, выносливостью и прочими данными, специфически характеризующими работника экспедиционных исследовательских организаций.

Минимальное количество работников в с'емочной группе это двое: режиссер и оператор. Это количество применимо лишь в тех исключительных случаях, когда кино-группа участвует в какой-нибудь чужой экспедиции, где число мест категорически ограничено. Например: в воздушных перелетах, автомобильных пробегах и т. д. Опыт посылки одного человека, играющего роль и режиссера и оператора, показал, что это невоз-

можно как со стороны технической (один человек просто не справится с необходимой для работы с'емочной аппаратурой), так и режиссерской, так как приводит к ряду провалов и неувязок монтажно-сценарного порядка, в связи с невозможностью одновременно охватить режиссерскую и операторскую работу. Не стоит здесь приводить примеры таких неудачных операторов-одиночек. Это положение едва ли кто станет оспаривать.

К центру кино-экспедиционной группы, к двум основным работникам — режиссеру и оператору — при малейшей только возможности (в тех случаях, когда количество людей не ограничивается категорически, по независящим от экспедиции обстоятельствам), как правило, присоединяется помощник оператора, работающий в случае нужды вторым аппаратом и помогающий режиссеру в организационной работе. Практикующийся зачастую наем такого работника на месте не совсем целесообразен, потому что последний не может быть обучен надлежащим образом, хотя бы обращению с аппаратурой, оптикой и пр. Кроме того, поскольку он является новичком и неизвестен работникам группы, ему никакой ответственной работы доверить невозможно. Следует иметь в виду, что наличие второго оператора в экспедиционной работе бывает зачастую безусловно необходимым и отсутствие его иногда может сильно повредить работе.

Все сказанное выше относится главным образом к такой экспедиционной фильме, с'емка которой строится в виде участия кино-части в какой-либо научно-

исследовательской экспедиции, в качестве придатка к ней. Это наиболее несовершенная форма кино-экспедиции. Идеальная форма кино-экспедиции — это самостоятельная целевая поездка. Тут при составлении штата группы особенно жаться не следует. В таких случаях целесообразно строить группу так, как при с'емке игровой картины. Тут следует во главе группы поставить специального уполномоченного дирекции фабрики по картине, вверяя ему административно-хозяйственную, организационную и контролирующую работу. Далее выделяется режиссер, помреж, оператор и помощник (или два оператора, с назначением одного из них старшим помощником режиссера). Затраты, производимые на этот личный состав, с успехом окупятся качеством картины и ускорением работы.

Сумма расходов по сравнительно небольшому жалованию этих нескольких подсобных работников даст возможность надлежащим образом поставить с'емочную работу на месте и сделать картину много значительнее и интереснее.

Знаменитые заграничные картины: «Нанук», «Чанг», «Моана», «Симфония большого города», «Восхождение на Эверест» и другие появились в результате упорной работы именно таких правильно построенных с'емочных групп, причем над получившим премию «Чангом», давшим колоссальную прибыль в прокате, как говорят, работала значительная группа работников во главе с режиссером и пятью операторами. Режиссер прожил на месте работы около трех лет, а операторы по 1 — 2 года каждый. Небезызвестная кар-

тина «Восхождение на Эверест», прошедшая с огромным успехом, обслуживалась специальной группой кино-работников, сопровождавшей альпинистскую группу. Опыт наших наиболее крупных экспедиционных работ — «Великий перелет», «Крыша мира», «Шанхайский документ» и др. выявил безусловную необходимость именно такого расширенного состава групп. Излишняя экономия на людях во всяком случае сильно отражается на с'емочных возможностях группы. Отсутствие обученных помощников безусловно тормозит работу.

б) ПОДГОТОВКА МАТЕРИАЛА

Основным недостатком большинства всех наших экспедиций является недостаточная подготовка сценарного материала. Многие думают, что снимать экспедиционную картину — выехать на место работ, крутить ручку аппарата. Это, конечно, — вредная чепуха. К экспедиционной картине нужно готовиться так же, как к игровой, снимаемой в павильоне. Нужен также сценарий, нужна детальная его разработка. Необходимо знание быта, экономики и политической жизни данной страны или местности. Конечно, не всегда возможно составить заранее подробный сценарий. В таких случаях последний заменяется подробно разработанным планом работы, предусматривающим всевозможные детали. Составлению плана работы предшествует изучение материала, характеризующего данную страну, по литературным источникам, по

указанию побывавших в тех местах людей (таких нужно найти), по данным учреждений, имеющих сношения с интересующей страной или местностью и т. д. Надо выяснить каковы в той местности атмосферные условия, когда наиболее выгодное для с'емки время. По возможности узнать условия света, температуру и влажность воздуха и т. д. Для того чтобы соответственно снарядить экспедицию всем необходимым, выяснить какие средства передвижения являются наиболее удобными на месте работ, какие формы вьюков наиболее выгодны и, наконец, какие специальные предметы снаряжения необходимы для данного путешествия. Следует узнать, какой вид денег наиболее приемлем при расплатах: обычные бумажные деньги, червонцы или серебро. Например, из опыта работ в Монголии и Горном Бадахшане автору пришлось столкнуться с тем обстоятельством, что туземцы не брали никаких бумажек вообще и охотно принимали наши советские полтинники. Есть места, где единственным и наилучшим способом расплаты являлся какой-нибудь продукт нашей промышленности (спички, соль, свинец, порох, ситец и т. д.). Все это следует учесть при снаряжении. В экспедиции зачастую фунт пороха или кусок ситца может открыть доступ в самые глухие дебри и позволит заснять совершенно исключительный материал.

Следует иметь в виду, что в местности с диким малокультурным населением в высшей степени полезно брать некоторое количество предметов специально для подарков. Эти вещи, стоющие гроши у нас — в центре,

там могут играть решающее значение в смысле установления отношений с об'ектами с'емки.

Здесь нужно также заранее узнать, что в данной местности является наиболее ходовым. Автору известны примеры крупных экспедиций, где люди привозили для обмена такие вещи, как, например, куклы, вызывающие суеверный ужас у туземцев, или рыболовные принадлежности в безводные пустыни, каковые не находили, естественно, себе сбыта. Виной неудачи было незнание того, что требуется туземцам. Как видно из изложенного выше, предварительная подготовка сценарного материала и всех справочных данных, касающихся с'емки, абсолютно необходима. Немного странно звучит слово сценарий в тех случаях, когда люди отправляются иногда в неизвестную страну и не знают, что ждет их в будущем. На самом деле ничего странного нет в таком пожелании. При сборе всех сведений или хотя бы части их (о чем мы говорили выше), всегда имеется возможность разработать сценарий или хотя остов его (рабочий план), причем для ряда отдельных сцен и эпизодов возможна разработка именно сценария. Если же в дальнейшем встретятся те или иные добавления, неожиданные приключения, новые открытия и т. д., все это, конечно, без всякого труда сольется с основным сценарием. С'емка без плана или сценария, построенного на учете и изучении местного быта, экономики и политических особенностей страны, безусловно приведет к неправильному построению картины и сможет придать ей ряд неправильностей, со всех сторон приводя к созданию не

стройной, не продуманной картины, а кусков хроникального порядка, не связанных единой мыслью. Необходимо заранее обязательно предусмотреть в картине основной стержень, основную установку, и на ней строить всю фильму. Нужно предусмотреть также в картине и сторону развлекательную, ввести какие-либо сцены и эпизоды, способные заинтересовать и волновать зрителя, потому что кормить зрителя только сухой протокольной с'емкой, без умело построеного зрелища, невозможно.

Наконец последнее:

в) СНАБЖЕНИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ

Эту главу следует разбить на основные разделы.

1. С'емочная аппаратура.
2. Оптика.
3. Негативный материал.
4. Фотоаппаратура.
5. Лаборатория химикалия.
6. Подбор аппаратуры.
7. Вьюки, упаковка аппаратуры и пленки.
8. Лагерное снаряжение.

I. С'ЕМОЧНАЯ АППАРАТУРА

Качество и количество с'емочной аппаратуры в экспедиции влияет на результаты работы в значительной степени больше, чем при с'емках обыкновенной, художественной картины. Обычно с'емка связана со спешкой и невозможностью повторить нужный момент. Поэтому оператор всегда должен быть готов снимать,

отсюда вытекают те требования, которые нужно пред'явить к аппаратуре, выбираемой для экспедиции. У нас обычно, как и при с'емке художественных фильм, в экспедициях пользуются штативными аппаратами Дебри и Аскания, и автоматами Кинамо и Септ (тремя последними аппаратами была вооружена и та экспедиция, в которой участвовал автор). Нужно сознаться, что все вышеуказанные аппараты в экспедиционных условиях не только не являются идеальными, но имеют ряд существенных недостатков. Основные требования, пред'являемые к штативным аппаратам в экспедиции, следует считать следующими:

а) аппарат должен быть легким;

б) иметь револьверную, об'ективную головку;

в) укладываться в специальный чехол, рассчитанный на перевозки;

Чехол обычно деревянный, еще лучше — металлический, по типу чехлов фотограмметрических аппаратов Цейса, сделанных из толстого алюминия и закрывающихся герметически. Аппарат должен упаковываться в полной с'емочной готовности, т. е. в таком виде, чтобы, поставив его на штатив, по выемке из чехла, не нужно было бы к нему ничего дополнительного надевать;

г) аппарат должен иметь квадратный металлический тубус, длиной около 10 см, в замен зонта, укладывающегося вместе с аппаратом в чехол;

д) аппарат должен иметь хорошую лупу и видоискатель;

е) штатив должен быть максимально устойчивым

к, чтобы можно было пользоваться телеоб'ективами второго штатива;

ж) при аппарате должно быть минимум шесть кас-т;

з) все принадлежности должны быть упакованы один с кассетами чехол, одинакового размера с че-ом аппарата, для удобства завьючки;

и) вес аппарата в чехле должен быть по возможно-и равен весу чехла с принадлежностями;

к) кроме обычного штатива, при аппарате необходи- иметь нагрудный штатив и гибкий привод к аппа-ату.

Всем этим условиям не отвечает ни один аппарат. Белль-хауэл» следует исключить в первую очередь -за его значительного веса и сложности наводки на окус. Аскания имеет против Дерби некоторые пре-мущества: значительно лучшая лупа, резиновый гла-к к ней, точный видоискатель. Но и эта модель не ляется достаточно удобной. Наиболее удобен, пожа-уй, в экспедиционных условиях «Эклер» последней одели, с выведенной назад лупой. Он очень легок имеет револьверную головку на 5 об'ективов, очень орошую наводку и одно важнейшее в экспедиции ка-ство,—это та конструктивная особенность «Эклера», о в запертом аппарате отверстия кассет открываются пленка не тащится по бархату: так как избавиться пыли в экспедиции невозможно, то кассеты с барха-ом обычно дают царапины. В «Эклере» это устране-. «Эклеровский» штатив, правда, немного слабоват, при поездке в экспедицию его необходимо заменить

«дебриевским», который, при легкости хода «Эклера» является идеальным. Следует особо отметить имеющийся в Америке аппарат «Акелей», принятый в американской армии и специально приспособленный для экспедиций и всевозможных спортивных с'емок. Особенности его конструкции, делающие его очень удобным в экспедициях, это главным образом устройство штатива, в котором отсутствуют панорамки, взамен же них в аппарате имеется специальная ручка, позволяющая совершенно плавно поворачивать аппарат в любом направлении. Две последние модели являются, надо полагать, наиболее удобными в экспедиционных условиях.

Что касается автоматических аппаратов, то в первую очередь следует откинуть «Кинамо», как совершенно негодный в экспедиции по следующим причинам:

а) сложность зарядки;

б) большой изгиб петли, вследствие чего пленка на морозе лопается;

в) во время тряски пленка в кассетах разворачивается и не протаскивается механизмом;

г) пленка тащится в кассетах по двум длинным бархатным ходам, которые открыть и прочистить невозможно, следствием чего являются обязательные царапины из-за пыли;

д) завод на 5 метров недостаточен и слишком трясет камеру.

Все это заставляет «Кинамо» из списка экспедиционной аппаратуры исключить совершенно.

«Септ-Дерби» достаточно удобен в работе, сравнительно быстро перезаряжается и одинаково хорошо работает как на морозе, так и в жаре, но 5-метровая зарядка не является достаточной и одним «Септом» в качестве автомата в экспедиции удовольствоваться нельзя. Наилучшим автоматом в поездке является «Аймо-Белл-Хауэлл». Этот аппарат имеет быструю смену об'ективов и конструктивно очень прочно сделан. Отсутствие кассет, пожалуй, является скорее плюсом; необходимо только иметь достаточное количество шпулек для зарядки на них пленки. Следует также упомянуть о новых, недавно вышедших моделях. «Эклеротка», отличающийся быстротой заводки, американский «Септ» и вскоре появляющаяся на свет новая модель автомата Дерби на 30 метров. В заключение, несколько слов о количестве аппаратуры. Оператор должен иметь один штативный аппарат и минимум один, а лучше два, — автоматических. Кроме того, один аппарат, хотя бы «Септ», должен быть у режиссера. Это количество следует считать минимальным для мало-мальски серьезной экспедиции.

2. ОПТИКА

Качество оптики в экспедиции имеет огромное значение, ввиду чрезвычайно разнообразных условий, в которых приходится работать.

а) ОБ'ЕКТИВЫ

Наряду с нормальными об'ективами 35, 50, 75 мм необходимо иметь хотя бы один, обязательно широ-

ко-угольный, светосильный об'ектив (напр. «Тахар» 1 : 1,8,28 мм фокуса, каковой следует считать вполне удовлетворительным). Желательно также иметь еще один светосильный об'ектив с фокусом 40—50 мм.

Кроме того, необходим хороший подбор длиннофокусных об'ективов, как-то: 120, 150, 180 и 210 мм. Наилучшими из них следует считать Экспресс-Росса 215. Такой об'ектив, имевшийся в последней экспедиции, автору дал несравненно лучшие результаты, чем имевшийся наряду с ним «Теле-Тессара», Телегор Герца.

Примечание. Также следует рекомендовать как лучшие и нормальные, об'ективы фирмы «Росс'а». Комплект об'ективов, имевшийся в высокогорной Памирской экспедиции, состоял из «Тахара» 1,8 28 мм, «Тессаров» 35, 50, 75, 120, 150 мм, Плазмата 1 : 2; 42 мм, Экспресс-Росс 215 мм, Теле-Тессара 250, Телегор-Герца 360 мм. Такой набор был почти удовлетворителен (об'ективы Тессар 150 мм, Теле-Тессар 250 мм не являются необходимыми). К этому комплекту следовало иметь один об'ектив 75 мм с двойным растяжением, для с'емки в очень крупном масштабе. Не следует забывать, что для с'емки об'ективами с фокусом 200 и более мм, необходим второй штатив (как у дебриевской Рапид-камеры).

б) СВЕТОФИЛЬТРЫ

Для штативного аппарата можно рекомендовать комплект светофильтров «мита», показавших себя в

работе вполне удовлетворительными. Для них нужно сделать специальную оправу и поместить ее между тубусом и об'ективом. Для телеоб'ективов лучше всего светофильтры «Вратена», которые лучше всего подогнать таким образом, чтобы они ставились с задней стороны об'ектива. Это дает возможность применить фильтры меньшего диаметра. Кроме того, их не нужно закрывать от постороннего света (что необходимо для фильтров, одевающихся снаружи). Те же «вратеновские» светофильтры можно рекомендовать и для автоматов, причем необходимо тщательно их подогнать по резьбе в бленду об'ективов. Обычные пружинные фильтродержатели являются совершенно негодными в экспедиционных условиях. Кроме того, для художественных эффектов желательно иметь комплект диффузионных дисков «Кодак» и набор сеток и масок. Все аппараты и принадлежности должны быть плотно упакованы в деревянные или алюминиевые чехлы, которые должны быть плотно пригнанными к ящикам вьючных седел; для автоматических аппаратов лучше всего заказать специальные переметные сумы и иметь их при себе на лошади. Особенно тщательно нужно паковать кассеты, чтобы их не помять и чтобы в них не проникала пыль. Светофильтры и мягкую кисточку для чистки лучше всего иметь в специальном подсумке на поясе. При переездах верхом, иметь на ремне через плечо хотя бы самый легкий кино-аппарат ни в коем случае недопустимо, так как он от тряски быстро портится и выбывает из строя.

3. НЕГАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

При снаряжении экспедиции нужно тщательно обдумать, какие сорта пленки брать с собою; разрешение этого вопроса зависит от длительности экспедиции и условий той местности, куда она отправляется. Разнообразие сортов негативной пленки заставляет сильно задуматься и многое взвесить при закупке пленки. Высокогорная экспедиция была снаряжена пятью сортами пленки, а именно: «Специаль», «Тропик», «Экстра-Рапид», «Кино-хром» и «Аэро-хром». Результат оказался довольно неожиданный: пленка «Тропик» оказалась наиболее устойчивой и весь заснятый на ней материал оказался прекрасным. Пленка «Экстра-Рапид», под влиянием больших колебаний температуры и сырости, уже через месяц стала давать вуаль и с'емку на ней пришлось прекратить. Пленка «Специаль» оказалась вполне удовлетворительной, но все же и на ней сказались климатические условия. Пленка «Кино-хром» оказалась еще менее устойчивой, чем «Специаль» — на ней появились явные следы разложения (точки, вуаль и разряды). Пленка «Аэро-хром» оказалась очень хорошей для с'емки телеоб'ективами (чем дальше снимаемый об'ект, тем лучшие результаты, близкие же планы получаются слишком контрастны, снимать ею на ледниках приходилось без светофильтров, так как двухкратный фильтр «Вратена» давал на негативе синее небо совершенно прозрачным и снег угольно-черным). Таким образом, в экспедицию следует брать с собою основным материалом пленку «Тропик» и для с'емки телеоб'ективами пленку «Аэро-

хром». Все это, конечно, в том случае, если климатические условия не благоприятствуют и производить на месте или поблизости проявку заснятого невозможно. Если же климатические условия более благоприятны или имеется возможность проявлять материал на месте, то пленка «Кино-хром» при работе по зелени дает блестящие результаты, а «Тропик» может быть с успехом заменен пленкой «Специаль».

О пленке «Сюперпан» и «Панкино», в виду их малой сохраняемости и сложности обработки в экспедиционных условиях, говорить не приходится.

4. ФОТО-АППАРАТУРА

Для надлежащего выпуска в прокат снятой в экспедиции картины необходимо иметь с собою соответствующую фото-аппаратуру для зас'емки рекламных фото. Наилучшим размером такого фото-аппарата является размер 9 × 12. Опыт работы на аппаратах меньших размеров показал, что в дальнейшем с этих размеров очень трудно сделать увеличения, необходимые для цели реклам. Значительная часть заснятых фото оказывались неиспользованной. Из фото-аппаратуры для целей экспедиции нужно рекомендовать специальный так называемый тропический тип «Клапп-Камер» различных фирм. Из лучших следует назвать «Негтль-Декруло». В качестве негативного материала рекомендуется «ортохроматическая» плоская пленка (Фильм-пак). Из светофильтров достаточно иметь набор светофильтров «Агфа». Также желательно иметь с собою небольшой запас пластинок «Агфа» для осо-

бенно-ценных научных и документальных снимков, так как плоские пленки не дают такого хорошего качества негативов.

5. ЛАБОРАТОРИЯ ХИМИКАЛИЙ

Изменчивые условия освещения в различных местах, где приходится бывать работникам экспедиционной фильмы, работа на различных сортах пленки и необходимость постоянного контроля над выполненной работой диктует необходимость обязательного наличия походной лаборатории. Эта лаборатория служит для зарядки и разрядки кассет пленки, для переупаковання ее и для проявки проб негатива и т. д. Иностранные экспедиции, снабженные во много раз лучше, чем наши, имеют с собою походную кино-лабораторию, обычно типа «Коррекс», допускающую на месте стоянки не только производить пробные проявки кусков негатива, но даже проявлять целые кассеты. Это бывает крайне необходимо в тех случаях, когда с'емка производилась на пленке, не отличающейся большой стойкостью или когда есть опасения в том, что почему-либо негативный материал, уже заснятый, может подвергнуться засвечиванию. Наличие такой лаборатории в большой экспедиции весьма желательно. Так как «Коррекс» получить не легко, обычно приходится пользоваться обыкновенной лабораторией-чемоданом, представляющим из себя ящик из 5 мм фанеры размером 80×40×15 см, окованный по углам железом. К внутренней его части прибит светонепроницаемый чехол, которым оператор может при работе покрыться до колен. Чехол

сделан из двух слоев материи (черного сукна снаружи и красного коленкора внутри), являясь таким образом совершенно светонепроницаемым; для работы ящик ставится на ножки. Крышка его укрепляется в вертикальном положении специальными распорками (в крышке имеется красное стекло, еще лучше Агфа-целлулойд, или зеленое стекло Агфа); в такой лаборатории можно свободно перезаряжать кассеты и проявлять пробы. Для работы в лаборатории следует заготовить и развесить заранее в порциях для растворов в 200 куб. см. воды нужные химикалии. Для этого лучше всего заготовить в стеклянных пробирках (по типу имеющихся в продаже) и патронах необходимое количество химикалий, причем лучше всего в каждую пробирку закладывать один сорт продукта, например: один метол, отделяя каждую порцию тонкой, вроде пыжа, пробочкой. Наружную пробку пробирки следует залить парафином и, во время работы, высыпав очередную порцию, снова на спичке заплавить парафин. Кроме того, необходимо иметь с собою весы с разновесом и некоторое количество химикалий в жестяной упаковке, на случай боя пробирок. Для сохранения раствора лучше всего иметь стеклянные бутылки с резиновыми пробками (стеклянные от тряски выскакивают), упакованных в пробковые или толстые войлочные футляры. Для проявки достаточно иметь 3—4 папковые кюветки (так как клюветы приходится укладывать в лабораторию вместе с бутылями, то лучше всего иметь папковые). Кроме того, нужно иметь брезентовое ведро для воды, достаточное количество фильтровальной бу-

маги и 2 термометра (один запасный, на случай боя). Не следует забывать, что все эти припасы должны быть тщательно упакованы и подогнаны на своем месте внутри лаборатории. Для проб пленки следует брать рецепты, употребляемые лабораторией которая будет проявлять заснятый материал, или просто пользоваться обычным рецептом, рекомендуемым Агфой. Для пленки «Специаль»:

200 куб. см воды,
метол — 1 г,
гидрохинон — 1,2 г,
сульфит безв. — 4 г,
поташ — 4 г,
бром. кали — 0,2 г.
Температура 18° Ц.

И для жарких стран на литр воды:

метол — 1,2 г,
гидрохинон — 4,6 г,
сульфит безв. — 21 г,
поташ — 7 г или соды 18г,
бром. кали — 1,2 г,
лимонной кислоты — 4,2 г.

6. ПОДСОБНАЯ АППАРАТУРА

Для ряда с'емок специального порядка желательно иметь с собою нагрудный штатив (бруст-штатив), без которого нельзя пользоваться большим аппаратом при с'емках, скажем, с деревьев, в некоторых случаях с аэропланов и т. д. К этому нагрудному штативу обя-

зателен гибкий привод, приводимый в действие помощником оператора. Без этого приспособления невозможно выполнение целого ряда с'емок, связанных с различными охотничьими моментами (с'емки диких животных, спортивная с'емка и т. д.). Кроме указанного бруст-штатива, очень неплохо иметь обычный штатив, но на коротких ножках, высотой не более 50 см. Такой штатив совершенно незаменим для работы в таких местах, где транспортирование является затруднительным или с'емка связана с покрадыванием к зверю, с'емка из ямы, прикрытия и т. д. В таких случаях зачастую комбинация этого маленького штатива с гибким приводом бывает очень и очень необходима. Для подсвечивания натуры нужно иметь с собою пару посеребренных экранов. Экран для отражения по размеру должен соответствовать размеру лаборатории. Экраны изготовляются каждый из двух створок. Размер створки — 80×40 см каждая. Таким образом, общая площадь одного отражателя — 80×80. Оба отражателя, сложенные пополам, упаковываются вместе с походной лабораторией. При с'емке в жарких странах необходимо иметь для защиты от солнца большой зонт, типа, применяемого в военном ведомстве при топографических работах. Таким зонтом аппарат защищается от солнечных лучей. Заканчивая этот раздел, следует упомянуть также о снабжении экспедиции набором магниевых факелов разных сроков горения, причем большинство факелов должно быть полминутного срока горения и лишь процентов 20 большего срока. Эти факелы должны быть снаря-

жены стопином, с тем, чтобы достаточно было поднести спичку и он немедленно вспыхнул. Факелы того сорта, который приходится разжигать перед употреблением, конечно, не годятся. Желательно также, чтобы факелы были бездымными.

7. ВЬЮКИ, УПАКОВКА АППАРАТУРЫ И ПЛЕНКИ

Вопрос правильной упаковки пленки и аппаратуры очень существенен, и промахи в этой области могут доставить экспедиции ряд значительных неприятностей. Обычные военные вьючные седла очень сильно набивают спины лошадям. Лучше всего заказать специальные седла, состоящие из двух толстых подушек, ложащихся на бока лошадей таким образом, чтобы они не касались хребта и холки; подушки эти должны быть соединены металлическим чересседельником с крюками на нем для поддерживания вьюка такого же типа, как и на обычных вьюках. На эти крюки вешаются ящики, обитые внутри войлоком и открывающиеся снаружи. Ящик делается размером, соответственным размеру ящиков для аппаратуры и кассет, устанавливаемых целиком внутрь указанного выше ящика. Вьючный ящик запирается снаружи на замок и укрепляется к седлу ремнями, протянутыми через имеющиеся на нем кольца (для транспортирования аппаратуры желательно иметь по возможности лошадь-иноходца). Штатив от аппарата укрепляется вверху седла, между обоими ящиками. Весь груз должен быть так подогнан, чтобы для с'емки понадобилось минимум времени для его развьючки, в частности в последней экспедиции авто-

ра седло было приспособлено таким образом, что, отстегнув две пряжки, можно было мгновенно вынуть аппарат, штатив и ящик с кассетами и принадлежностями. Для траспортирования пленки рекомендуется такое же седло с двумя ящиками, в которые в специальной упаковке укладываются коробки с негативным материалом.

Одна вьючная лошадь нормально тащит 6.500—7.200 метров пленки. Таким образом, верховая экспедиция только для аппаратуры, пленки, лаборатории и принадлежностей (при расчете 10.000 м негативного матерхала), должна состоять минимум из 3-х лошадей, причем на первой аппаратура, на второй большинство пленки и на третьей остаток пленки, лаборатория и различные предметы технического снаряжения. Для транспортирования пленки на носильщиках необходимо имѣть плетеные корзины таких размеров, чтобы можно было вместить в них по ящику с аппаратурой или кассетами. Мешки для переноски аппаратуры не рекомедуются, так как усталые носильщики всегда тяжело садятся на землю, и, как правило, обязательно стукают о землю и камни аппаратуру. Лучшим предохранением являются вышеуказанные плетеные корзины. Никакое наблюдение за носильщиками нужного результата, конечно, не даст.

8. ЛАГЕРНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

Заканчивая краткий обзор снаряжения, необходимого для экспедиции, следует остановиться также на лагерном снаряжении. Основным в нем является па-

латка, спальный мешок и кухонное снаряжение. На последнем не будем останавливаться, предоставляя это вкусу организаторов каждой экспедиции. О первом и втором следует сказать несколько слов. Из опыта, вынесенного из советско-германской высокогорной экспедиции, мы можем рекомендовать лучший тип палатки: легкую индивидуальную палатку из непромокаемой материи (тонкий брезент), изготовляемую вместе с полом, прикрепляемую к земле приколышами и поддерживаемую двумя складными палками. Каждая такая палатка вмещает одного человека. Кроме такой индивидуальной палатки, необходимо иметь одну палатку более высокую, чем указанная, для хранения в ней аппаратуры, а также установки в ней лаборатории для работ. Наконец, если кино-экспедиция едет самостоятельно, то следует иметь еще особую палатку для кухни и ночевки в ней подсобной рабочей силы. Спальный мешок приемлем любого имеющегося в продаже типа.

Не следует забывать и о личном снаряжении и обмундировании для участников экспедиции. При отправке в холодные и сырые местности, рекомендуется кожаное пальто с отстегивающейся меховой подкладкой, кожаные брюки, куртка и сапоги. Для защиты головы лучше всего иметь кожаный шлем и фетровую шляпу. Для тропиков—обычная белая одежда. Кроме того, специальная одежда, применяемая для тех или иных особых целей, связанных с особым характером и задачами экспедиции (авиационная, полярная и т. д.).
